ЕВГЕНИЙ
РУДАШЕВСКИЙ
ЭРХЕГОРД
СУМЕРЕЧНЫЙ
ГОРОД

Эрхегорд

Евгений Рудашевский

Эрхегорд. Сумеречный город

«Росмэн»
2017

УДК 21.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рудашевский Е.

Эрхегорд. Сумеречный город / Е. Рудашевский — «Росмэн», 2017 — (Эрхегорд)

ISBN 978-5-353-08445-7

Евгений Рудашевский — журналист, путешественник, лауреат Всероссийского конкурса «Книгуру», литературной премии «Золотой Дельвиг», Южно-Уральской литературной премии. В 2016 году с первой книгой серии «Эрхегорд» он стал лауреатом конкурса «Новая детская книга». Что делать, если повсюду происходят загадочные и ужасающие события? Предметы, доставшиеся людям от неведомых Предшественников и ранее дарившие благоденствие и покой, словно сошли с ума и теперь причиняют людям боль и страдания. Единственный способ понять, что творится в некогда процветавшем мире, — это отправиться в опасное странствование по землям, охваченным предчувствием страшной беды. И уже в самом начале пути оказывается, что небольшой город Багульдин окружает туман — непроницаемый, лишающий чувств и рассудка. Что стоит за всем этим? Откуда появился туман и какие тайны хранят жители города?

УДК 21.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08445-7

© Рудашевский Е., 2017
© Росмэн, 2017

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 27
Глава 4 39
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Евгений Рудашевский
Эрхегорд
Сумеречный город
Роман

Глава 1
Багульдин

Наш мир безграничен. Невозможно классифицировать и тем более посчитать дикие и разумные существа, его населяющие. Нравов и легенд в нем не меньше. Каждое новое предание уводит вдаль, к прежде неведомым краям. Посвятив всю жизнь путешествиям, вы так и не достигнете предела обитаемых просторов, даже не услышите о нем, а все встречные земли будут особенными, не похожими ни на одну из пройденных вами земель.
«Поучение о разнообразии народов». Гаон Свент из Ликинора

Прошло три года с тех пор, как я покинул родной дом. Цель моих странствий была близка. Сейчас, когда восточная граница Земель Эрхегорда осталась позади, можно было ненадолго забыть об опасностях, с которыми я столкнулся на пути в этот край. Однако воодушевления я не испытывал. Отчего-то сейчас, сидя на циновной козетке в приемном зале, я думал лишь о теплых подушках на вааличе пуху (они ждали меня в «Нагорном плесе»). Впрочем, настоящих причин для воодушевления пока что не было. Приблизившись к цели, я теперь должен был идти вслепую, не зная, в каком направлении сделать следующий шаг. Это не могло не удручать.

– Комендант лично возьмет у вас письма, – предупредил меня стражник.

Привстав, я коротко кивнул и вновь тяжело опустился на козетку. Стражник остался в дверях и больше не проявлял ко мне интереса.

Кроме нас двоих, в приемном зале никого не было. В центре на возвышении стоял трон наместника. Вдоль стен тянулись пустые лавки для гостей. С высоты крестового свода опускалась громоздкая, вырезанная из монолитной глыбы карнальского камня сферическая люстра. От нее в разные стороны тянулись крепежные цепи, каждую из которых держали потолочные изваяния воинов – они потонули в нервюрах, застыли в напряжении всех сил.

Запрокинув голову на твердый подголовник, я старался побороть сонливость. Вспоминал, как еще этим утром ехал через горные поля, не зная, когда доберусь до стен Багульдина, да и смогу ли вообще до них добраться.

Кажется, я проникся всеобщим унынием. По телу растекалась слабость. Окруженные туманом, всеми позабытые, жители Багульдина – от простых булочников на Ярмарочной площади до гвардейцев в парадной форме на входе в ратушу – погрузились в липкое оцепенение. Их не тревожили ни события последних недель, ни слух о гибели очередных гонцов в Целиндел.

Еще в Харгое, приграничном городе, меня предупредили, что путь к Багульдину опасен. Год назад подходы к нему стало затягивать туманом. Поначалу сообщение продолжалось без помех, а в прошлом месяце, когда туман окончательно сгустился, пропало сразу два посыльных разъезда. Узнав, что я тороплюсь и не намерен задерживаться на границе,

местный распорядитель посоветовал не съезжать с брусчатки, ориентироваться на сигнальный огонь Багульдина и вручил мне связку служебных писем, которую должен был забрать ближайший разъезд.

– Зачем рисковать своими людьми? – пояснил распорядитель, заметив мое удивление.

– А если я потеряюсь в пути?

– Это будет прискорбно.

– Прискорбно… – тихо повторил я, когда Харгой остался далеко позади, а вокруг меня, несмотря на ранний час, повисли бледные сумерки – так началась мгла.

До Багульдина я добирался больше трех суток. В прежние дни, по словам распорядителя, этот путь даже у груженых подвод занимал около восьми часов. Причиной моей медлительности были туман и путаные изгибы дороги.

Въехав на косогор, я был вынужден остановиться. Спустился с козел, зажег масляный светильник на гартолле[1] и дальше вел лошадей за повод. Когда излучина дороги становилась слишком крутой, приходилось со всей силы тянуть их в поворот.

Туман позволял без страха смотреть в обрыв, начинавшийся сразу за обочиной, но я поднялся высоко и понимал, что там – гибельная пропасть.

Это был странный сухой туман. Словно клубы дыма, только ничем не пахнущие, не тревожащие глаза. В нем было тепло и по-своему уютно. К тому же он поглощал звуки – в нем пропадали и цокот копыт, и скрип рессор. Я погонял лошадей криком, но едва слышал самого себя. Чувствовал, как под ногами перекатываются камешки, но не различал ни скрежета, ни даже простого шороха.

Свет фонаря не мог пробиться через мглу. Гартолла катилась в тесном, мутном куполе света, и я не сразу заметил, что подъем закончился. Косогор сменился прямой дорогой. Ехать стало проще, но о том, чтобы вернуться на козлы, не могло быть и речи. Я теперь едва различал дорогу под ногами и должен был изредка склоняться – руками ощупывать брусчатку и так проверять, не сошел ли на обочину. За ней меня могло ожидать что угодно: скалы, болота, каменные разломы, наконец – заросли гибалокуса или другой ядовитой растительности. Торопиться и рисковать своей жизнью я не хотел.

Иногда в тумане угадывалось слабое движение. Я думал, что это дикие звери, и готовился встретить их обнаженным мечом, но вскоре разглядел, что во мгле таятся серые сгустки, будто небольшие, опустившиеся к земле облака. В них не было ничего угрожающего, и все же я предпочитал пропустить их, если они проплывали перед моей гартоллой. Прикасаться к ним не было никакого желания.

К концу первого дня я оказался возле укрепленной стены и обрадовался, уверенный, что достиг Багульдина значительно раньше, чем рассчитывал, но вскоре понял, что это лишь приграничный редут – укрепление за Харгоем, построенное для вторичной обороны. Редут был давно заброшен. Судя по всему, многие десятилетия. Раззявленные ворота глубоко осели в каменистый грунт, сторожки на входе заросли́ аргенскими колючками, а патрульные переходы и вовсе обвалились. Я был уверен, что редут стоит в скальной узине, но убедиться в этом не позволял туман.

Если б не мгла, я бы прогулялся по руинам, а так ограничился поиском дров для костра, при этом обвязал себя веревкой, чтобы не потерять гартоллу, – на ощупь бродил по округе, словно зверь на привязи.

Погоня за мной давно прекратилась. Уже два месяца меня никто не тревожил. Меч не покидал ножны, а последнюю стрелу из гартоллы я выломал еще весной. Харконы никогда бы не сунулись в Западные княжества, я и сам их едва прошел. На границах Земель Эрхе-

[1] *Гарто́лла* – большой закрытый шестиколесный конный экипаж с подвижной «пяткой».

горда у них совсем не было власти. И все же ночевать я предпочел в стороне от дороги, под осыпавшимися стенами редута.

… За дверью, возле которой стоял стражник, послышались гулкие шаги. Я вздрогнул – понял, что задремал. Выпрямился, наскоро растер ладонями лицо, чтобы прогнать сонливость и приготовиться к встрече с комендантом, но, когда дверь открылась, увидел, что это второй стражник, не более того.

Как и первый, он был облачен в легкие кожаные доспехи, украшенные незамысловатыми узорами из серебряных нитей. Под откинутым правым наплечником виднелся окантованный вырез в рубахе, а в нем – оголенное плечо с черными знаками сигвы, по которым определялись звание стражника и город его приписки[2]. Закрывать правый наплечник разрешалось только в холод и перед сражением, для таких случаев сигва была продублирована на нем желтыми нитями.

– Нашли в погребе… Опять.

– Ты уверен, что… Сообщили?

– Нет еще.

Стражники переговаривались тихо. Я прислушивался, но едва разбирал отдельные слова.

– Уверен!.. Так же было…

– …самим надо.

– Согласен.

Стражники поглядывали в мою сторону.

– Значит, опять сбежала.

– …поймаем.

– …сказать?

– Сначала поймаем! Нельзя…

Беззвучно открылась и закрылась дверь. Стражники ушли. Несколько минут я сидел в приемном зале один. Вслушивался в его тяжелую, пыльную тишину. Наконец пришел третий стражник. Молча встал на то самое место, где стоял первый. Ожидание продолжилось.

Заскучав, я встал. Прошелся вдоль стены за троном.

Рассматривал полосные барельефы, статуи, вазы. Их было немного, но они стояли так, что зал не казался пустым. В этом чувствовалась просторная красота.

По стенам, отчасти прикрытым тяжелой синей драпировкой, тянулись пилястры. С потолка свисали каменные многоярусные люстры. Но главным украшением зала была резьба по камню. Она покрывала не только трон, но даже каннелюры и простенки между узких стрельчатых окон.

На одной из стен была вырезана узорчатая, на удивление подробная карта города и крестьянских предместий. Я сразу отыскал на ней восточные ворота, через которые проезжал этим утром. Вспомнил, как зачарованно остановился перед темной глыбой в тумане, – дорога привела меня к Багульдину в тот самый момент, когда я уже начал сомневаться в правильности выбранного направления.

Каменные ворота были украшены резьбой, детали которой не удавалось разглядеть из-за мглы. Тогда я ужаснулся, заподозрив, что и весь город утонул в тумане, – стоит, словно Наэльский острог на дне горного озера Арнак, затянут илом и населен лишь иглоклювыми рыбами.

Нащупав массивное кольцо, я несколько раз ударил им по стальной пластине. Удары получились приглушенными, едва различимыми. Туман по-прежнему скрадывал звуки.

---

[2] Отсюда пошло выражение «ходить с правым плечом», т. е. находиться на воинской службе. Воинский приказ «закрыть плечо» также вошел в гражданский обиход и означает необходимость подготовиться к тяжелым испытаниям.

Открылась проходная дверь. На пороге стоял привратник – высокий, тучный мужчина в синих доспехах и с откинутым правым наплечником. Я поздоровался с ним и не услышал своих слов, будто говорил в воду. Привратник ленивым движением руки пригласил меня в сторожку.

Войдя внутрь, я опять выкрикнул приветствие и едва не оглушил себя после трех суток кромешной тишины. Привратник и двое других, сидевших за столом стражников, только поморщились в ответ. Должно быть, привыкли к столь громким приветствиям от тех, кто вышел из мглы.

На голой земле тут стояли деревянные ящики, кадушки, лежали мешки. В углу, отгороженные занавесью, виднелись кровати и стулья. Справа, в простенке между дверьми, висели два продолговатых щита. На одном красовался герб Багульдина: синий каменотес, поднявший молот над раскаленной сферой Малой луны. На другом – герб престольного города Вер-Гориндора: обвитая желтой дорогой гора Эридиус, на вершине которой стояло серебряное дерево.

Стражники молча перебирали разноцветные стеклянные треугольники – я отвлек их от игры. Понуро осматривали меня. Должно быть, по цвету и покрою одежд пытались угадать, из каких земель я приехал, спрашивать об этом напрямую ленились.

Привратник был им под стать: бледное, осунувшееся лицо, погасшие глаза. Даже усы у него висели как-то вяло, безжизненно.

Я показал путевое дозволение, выписанное в приграничном Харгое, и оголил левое плечо – на нем значилась свежая сигва, полученная там же. У меня не было возможности разобраться в ее точном значении, но я догадывался, что точки, кружки и полоски на ней означали дату моего приезда в Земли Эрхегорда и название заставы, через которую я прошел.

Привратник бегло осмотрел и сигву, и дозволение, а потом вдруг оживился. В его взгляде затеплилась искорка жизни. Он посмотрел на сидевших за столом стражников, перевел на меня взор и спросил:

– Ты же через поля ехал?

– Не знаю, – признался я. – Я и дорогу толком не видел, а…

– Ну да, через поля. – Привратник будто не слышал моих слов. – Скажи…

Он опять посмотрел на стражников, затем подошел ко мне поближе – так, что я уловил кислый запах его тела, перемешанный с ароматом дешевой турцанской мази, – и шепотом спросил:

– Скажи, а там, в тумане, ты меня не видел?

– Вас? – удивился я.

– Ну да, меня, кого же еще!

– Нет… – Я пожал плечами, не совсем понимая заданный вопрос.

– Я ведь только хотел проведать отца. Ну да… – продолжал шептать привратник. Теперь его мутный, лихорадочный взгляд показался мне взглядом безумца. – Он остался на Закрайных полях. Это недалеко. Пара верст… Я давно хотел к нему сходить. Хотел, но боялся. А тут… Ты точно не видел меня? Ведь я по этой дороге пошел. Может, мы с тобой по пути пересеклись?

– Нет, – твердо ответил я, думая лишь о том, чтобы скорее выйти из сторожки.

– Странно, – вздохнул привратник. Искорка в его глазах погасла. Их вновь затянуло непроглядным унынием, взгляд стал потерянным. – Да, странно. Куда же я подевался?.. Но, может, ты видел мои доспехи?

Я опять пожал плечами.

Молчание затягивалось. Стражники все так же молча перебирали цветные треугольники.

– Убирать? – спросил я, показав на дозволение.

Привратник вздрогнул, будто успел позабыть о моем присутствии.

– Да-да, конечно…

Вскоре он открыл левую створку ворот, и моя гартолла наконец въехала в город.

Стоя перед картой Багульдина, я потер левое плечо. Сигвар[3] из Харгоя предупредил, что первую неделю сигва будет саднить, советовал смазывать ее настойкой цейтуса и ни в коем случае не расчесывать.

Я вспоминал обезумевшего привратника, его пустой взгляд и бессмысленные вопросы, когда двери в приемный зал распахнулись. В сопровождении двух стражников и вестового вошел комендант. Он не сразу увидел меня, стоявшего за троном, а увидев, направился ко мне – кожаные гронды звонко выстукивали по каменному полу, выдавая стальные набойки на тяжелых подошвах.

– Зельгард. – Комендант сжал ладони в приветственном жесте.

Это был высокий, худощавый мужчина с чуть покатой спиной и большим шрамом, наискось разрезавшим правую щеку – ото лба, через бровь, к самой шее.

Представившись, я сказал, что в Харгое местный распорядитель попросил меня передать в Багульдин служебные письма.

– Вот.

– Почему именно вас? – Зельгард взял конверты, но даже не посмотрел на них, сразу протянул всю пачку вестовому.

– Распорядитель сказал, что не хочет рисковать своими людьми.

– Разумно, – кивнул комендант, при этом даже не улыбнулся.

Помимо сигв на оголенном правом плече, я заметил у него узорчатую сигву на правой кисти – там красовалась рассеченная клинком Большая луна.

Личная встреча со мной Зельгарду потребовалась только для того, чтобы расспросить меня о дороге, о том, что я видел или чувствовал в тумане. Его беспокоило состояние дорог на косогоре и видимость на подъезде к Багульдину. Его вопросы в основном были понятными и логичными, однако некоторые из них прозвучали странно.

– Значит, вы ехали в тумане трое суток?

– Да.

– Трое суток… И много вас там было?

– Я… ехал один. Только я и лошади.

– Это понятно. – Зельгард нахмурился. – Я говорю, часто ли вы уходили?

– Ну… – Я растерянно пожал плечами. – Там не было съездов и…

– Неужели непонятно, что я про фаитов! – Комендант отчего-то разозлился. Помедлив, усмехнулся без улыбки и уже спокойнее спросил: – Или вы себя отпустили? Что, рука не поднялась?

Я опять пожал плечами. Вспомнил безумного привратника с его не менее странными вопросами. Хотел искренне признать, что ничего не понимаю, но тут послышались торопливые шаги. Несколько человек явно бежали по коридору к приемному залу, о чем-то перекрикиваясь между собой. Комендант обернулся к открытым дверям, возле которых сейчас стояло три стражника.

Шаги приближались.

– Что там? – Зельгард посмотрел на вестового.

Тот лишь качнул головой.

– Саир![4] – В зал вбежали двое стражников, которых я уже видел ранее. Чуть запыхавшись, они облизывали сухие губы. – Саир!

---

[3] *Сигвар* – мастер, медной иглой накалывающий на коже узоры (сигвы) и вводящий в них красящую пасту из сигвалина.

[4] *Саи́р* – почтительное обращение к мужчине, находящемуся выше по званию или социальному положению. От ворва-

– Что там? – сухо бросил Зельгард.

– Саир! Ваша жена.

– Что?

– Опять пыталась бежать.

– Проклятье… – Комендант сжал кулаки. – Где она?

– Мы ее поймали в винном погребе. Там и сумка лежала с вещами, – торопливо отчитался первый стражник.

– Как и в прошлый раз, – кивнул второй. – Вы тогда хорошо придумали…

– Жива?

– Саир, вы сами просили…

Комендант махнул рукой:

– Ведите сюда.

Стражники кивнули и поторопились выполнить приказ. Зельгард глубоко вздохнул. Он стоял ко мне спиной и, кажется, вовсе забыл о моем присутствии.

Комендант был в ламеллярных доспехах из кожи наргтии, с большими металлическими пряжками. Синие наручи тянулись от запястья до локтей и были украшены гербом Багульдина. На поясе, как я сейчас заметил, висел двухтрубочный лаэрный самострел – дорогое и редкое в моих краях оружие. Я ни разу не стрелял из такого, но знал, что в каждой трубке лежат синий и желтый кристаллы лаэрита. Их разделяла упругая жилистая перепонка. Стальная пластина удерживала пружину, которая, высвободившись, толкала один кристалл к другому. От соприкосновения они вспыхивали ядовитым зеленым огнем и выталкивали заостренную медянку – провернувшись по нарезу, она поражала даже небольшую цель на расстоянии двух сотен шагов.

Вновь послышались приближающиеся шаги и голоса. Зельгард неподвижно смотрел на двери.

– Безумие, – прошептал я.

Жена коменданта. «Жива?» – «Опять пыталась сбежать?» – «Ведите сюда». Я не понимал, что все это значит. Хотелось скорее покончить с приемом и вернуться в «Нагорный плес» – ополоснувшись, пообедав, добраться до теплых подушек на вааличьем пуху, проспать остаток дня и проснуться лишь на рассвете…

В зал втолкнули женщину. Она едва не упала. Руки связаны за спиной. Ярко-золотые волосы взъерошены. Под короткой парчовой курткой виднелась надорванная шелковая рубашка. Из-под узкой синей юбки выглядывали бледные стопы – женщина шла без обуви.

– Давай!

– Шевелись!

Ее грубо подталкивали к Зельгарду, тычками в спину заставляли делать новые шаги. Комендант молча ждал, когда жена приблизится, наблюдал за ее унижением.

Мне было неприятно наблюдать за этой сценой. К тому же громкие окрики стражников болезненно отдавались в голове. Неудивительно, ведь я три дня томился в угнетающей глухоте. Она не прекратилась даже после того, как моя гартолла въехала на уличную брусчатку.

Багульдин, как и поля снаружи, был пропитан туманом. Этим утром, оставив восточные ворота позади, я подхлестнул лошадей и решил, что на следующий же день покину город, если выяснится, что мгла поглотила его без остатка.

Однако вскоре я расслышал цокот копыт. Теперь и колеса гартоллы чуть поскрипывали. Здесь туман был не такой густой и почти не сдерживал звуки. Можно было сказать что-нибудь вслух и не потерять слова в пустоте, а значит – почувствовать, что ты жив.

тоильского «саир-баа» (стоящий выше).

Я ехал по безжизненному кварталу, осматривался. Дома тут стояли в два этажа с мансардой. На гранитных колоннах лежали просторные балконы. Высокие резные двери были распахнуты, ставни и окна – раскрыты. В домах чернела тишина. Словно раковины моллюсков, чьи тела изъедены рыбой, чей уют давно присвоен кем-то чужим.

Гартолла порой вздрагивала, наехав на проржавевшую цепь или разломанный деревянный поддон. Дорога, как и тротуар, была усыпана мусором, перепачкана навозом. И все же Багульдин жил. Все чаще попадались здания с плотно затворенными дверьми и ставнями, сквозь их щели проглядывал свет. Возле иных веранд встречались стреноженные кони и затянутые дерюгой повозки. Огонь центральной башни Багульдина, отблески которого я угадывал во мгле задолго до того, как приблизился к городским стенам, тут светил еще ярче.

Цокот копыт становился громче. Я уже слышал, как фыркают мои лошади. Туман заметно поредел, а потом оборвался. Я вынырнул из него, как из мутной воды.

Передо мной лежала освещенная солнцем улица. Она желтой брусчаткой широко стелилась вперед. Наконец я увидел настоящий Багульдин в его подлинных красках, ароматах и звуках, смог подробнее рассмотреть дома из блоков тесаного камня. Блоки были разных размеров, но хорошо подогнаны друг к другу и украшены резьбой, из которой по всему фасаду складывалась мозаика сосновой рощи, цветочных гирлянд или отдельных животных – их копыта начинались у цоколя, а головы поднималась к карнизу. Были тут и здания со сценами битв, оружием и воинским облачением. Я сдерживал коней, чтобы лучше рассмотреть это великолепие.

Все блоки были вырезаны из светло-коричневого камня неизвестной мне породы, похожего на туф или базальт, такого же податливого, но несравнимо более гладкого. Позже я узнал, что его называют карнальским и добывают в Карнальской каменоломне, расположенной в пятнадцати верстах южнее Багульдина.

Моя гартолла неспешно катилась вперед, а я все чаще замечал спрятанные в переулках торговые лотки и тесные караулки. Горожане прогуливались по тротуарам, ехали верхом или в одноместных наэтках. Несмотря на общую затаенность и малолюдность, я радовался тому, что Багульдин живет. По стенам домов тянулись земляные сикоры, усаженные алыми нартисами, голубоватыми астунциями и другими мне неизвестными цветами. На покатых светло-вишневых крышах в кадках росли кусты. Все это цвело и наполняло улицу сладким запахом лета.

Еще в приграничном Харгое я решил представляться вольным путешественником, приехавшим сюда, чтобы написать о Землях Эрхегорда подробный путеводник. Рассказывать о подлинных причинах моей поездки было бы опасно, равно как и упоминать обстоятельства последних трех лет: от дня, когда я был вынужден бежать из родного города, до минуты, когда пересек границу самого западного из Вольных княжеств Своаналирского плато.

С каждым кварталом Багульдин становился все более оживленным. Оглянувшись, я увидел, что туман сзади обрывается стеной – уходит ввысь, до неба, где мешается с облаками. Словно гигантская морская волна, нависшая над городом всей тяжестью своих вод, но отчего-то застывшая, отказавшаяся падать на его улицы.

Если поначалу, вырвавшись из мглы, я ехал в одиночестве и в такой тишине, что моя гартолла, должно быть, на целый квартал вперед оповещала о своем приближении – цокотом копыт, перестуком колес, – то сейчас меня поглотил вполне ощутимый городской шум, а на дороге пришлось потесниться, уступая встречному движению.

Вскоре я выехал на центральную Ярмарочную площадь. Здесь стояли кареты, повозки, беговые дрожки. У лавок под деревянными навесами толпились покупатели. Слышались смех, разговоры.

С площади было хорошо видно, что весь Багульдин окружен мглой. Город будто лежал на морском дне. Неприятное чувство угрозы. Ждешь, что волны обрушатся на улицы, смоют все, построенное человеком, не оставят и воспоминания об этих местах.

Светлое небо над головой было широким, но замкнутым. Его окружало, теснило неровное кольцо тумана, оно бугрилось по кромке, будто вскипало. Опускавшиеся от него сумрачные портьеры были почти гладкими, спокойными и непроглядными.

Посреди площади возвышалась статуя Эрхегорда Великого – первого ойгура этих Земель, основателя Венценосного рода. Закованный в пузырчатые латы, он в одной руке держал меч, а в другой – голову какого-то неизвестного мне зверя.

Дома, выходившие на площадь, были выше и богаче тех, что я видел на Парадной улице. Их обхватывали барельефы из плит карнальского камня с изображением крестьян, кузнецов, воинов, музыкантов, все – в две, а то и в три высоты настоящего человека. По углам домов высились каменные стражи с громадными пиками в руках, острия которых тонкими башенками поднимались над кровлей.

На противоположной стороне площади стояло подворье с вывеской «Нагорный плес». За ним, в двух кварталах, вздымалась центральная башня местной ратуши. На ее вершине в каменной сетке полыхал огонь – тот самый, чей отсвет я угадывал еще в тумане.

Остановившись на подворье и едва прикоснувшись к подушкам на вааличьем пуху, я отправился в ратушу – хотел поскорее избавиться от писем и, по возможности, расспросить кого-то о дальнейшей дороге. На встречу с комендантом Багульдина я и не рассчитывал…

– Отпусти меня, – промолвила женщина.

Она теперь стояла в пяти шагах от Зельгарда. Ее волосы неестественно блестели, будто тончайшие золотые нити. В глазах угадывалась необычная жемчужная глубина.

– Саир, – сбивчиво сказал один из стражников. – Оэдна…

– Не смей называть ее этим именем, – процедил Зельгард.

Стражник потупился и еще крепче схватил женщину за ворот, отчего ей пришлось не просто выпрямиться, но даже чуть запрокинуть голову.

– Отпусти меня, – повторила она. – Ведь я все равно останусь с тобой. Дай мне хоть такую свободу.

– О свободе может говорить человек. А ты – мерзость. Порождение Хубистана. Ты не человек. И я слишком тебя люблю, чтобы позволить такой мерзости разгуливать по городу и называть себя моей женой.

Зельгард говорил тяжело, рублено, будто старался каждым словом больнее ударить Оэдну, если только эту женщину действительно так звали.

– Ты даже тюрьмы недостойна.

– Ты ведь знаешь, что я буду приходить вновь и вновь. Вновь и вновь… Потому что презираю тебя.

– Знаю.

– Так отпусти. И ты больше меня не увидишь. Мы будем счастливы с тобой. Я смирюсь.

Я затаился за спиной Зельгарда. Силился понять, что здесь происходит. Очередная сцена безумия. Я лишь предположил, что туман, окруживший Багульдин, постепенно сводит с ума его жителей.

Присмотревшись к Оэдне, заметил, что из ее рта с каждым словом вырывается легкое облачко дыхания, будто она говорила на морозе. В приемном зале было по-летнему тепло, и эту странность я тоже не мог объяснить.

– Так, значит, ты давно прячешься, – вздохнул Зельгард.

– Три дня.

– Ты становишься умнее.

– Я тоже меняюсь.

– Тем приятнее будет от тебя избавиться.

Стражники в дверях стояли так, будто ничего интересного тут не происходило. Более того, казалось, что они заскучали, слушая этот диалог. Вестовой коменданта вовсе занялся письмами из Харгоя, внимательно просматривая надписи на конвертах и при необходимости вскрывая некоторые из них.

Я осторожно спросил:

– Быть может, мне уйти?

Комендант даже не повернулся. Он окончательно забыл обо мне.

– Ты ведь и сам не отличаешься постоянством, – с жалостью произнесла женщина.

– Молчи! – крикнул Зельгард.

Эхо от его крика раскатисто пробежало по углам зала и еще несколько раз повторилось в коридоре.

– Да, – продолжала Оэдна, – я знаю. Все знают. И ведь ты себя не отпускаешь. Мучаешь. Будто хочешь наказать. Но это природа. Это ты.

– Нет, дорогая, это не природа. И это не я. – Комендант снял с пояса лаэрный самострел. – Это мерзость. Это болезнь. Это обман. И не так важно, кто все это устроил: южане, магульдинцы или кто-то еще. Эту болезнь нужно выжигать.

Я уже хотел подойти к вестовому, передать через него мои извинения и уйти, но тут увидел, что Зельгард поднял самострел. Большой палец был на крючке. Он целился в жену.

Никто не обратил на это внимания. Стражники у дверей о чем-то с улыбками перешептывались. Вестовой продолжал рассматривать письма. Только стражник, державший Оэдну, крепче сдавил ее ворот двумя руками – так, что женщина, задыхаясь, приподнялась на цыпочки. Пальцы ее ног побелели.

– Прощай, – выдавил Зельгард.

Я рванул вперед.

Перехватило дыхание, будто мне изнутри всю грудь обложили ледяными пластинами. Движения были тяжелыми, но точными. Мысли разом зашумели, как разворошенное осиное гнездо, бесновались, кричали, перебивали друг друга. Я знал, что не должен так поступать, но у меня не было времени все обдумать. Проклиная себя и то, что не ушел из зала раньше, я всем телом толкнул коменданта в спину.

Звонкий хлопок, словно на грифе аркебулы лопнуло сразу несколько струн. И кислый запах гари. Лаэрный самострел сработал. Но Зельгард промахнулся.

Комендант едва удержался на ногах. Отскочил в сторону. Его лицо исказилось гневом. Шрам растянулся еще сильнее.

– Взять! – надрывно проревел он.

От дверей ко мне, на ходу обнажая клинки, бросились три стражника.

Я понимал, что сопротивляться бессмысленно, и поднял руки, показывая, что не представляю угрозы. Оэдна удивленно посмотрела на меня. Стражник отпустил ее. Женщина непроизвольно сделала шаг вперед.

– Кто ты? – прошептала она, а в следующее мгновение вздернула руки – стражник сзади пронзил ее мечом.

Онемев, я смотрел на окровавленное острие, разорвавшее и плоть, и рубашку, и парчовую куртку. А потом меня сбили с ног.

– Ты спятил?! – кричал Зельгард.

Я лежал на каменном полу, придавленный тремя стражниками. Один из них так навалился мне коленом на грудь, что, кажется, мог проломить все ребра разом.

– Полуумок! Уведите его!

Я не сразу понял, что теперь Зельгард обращался к стражнику, который убил его жену.

– Но, саир… Я ведь…

– Сказано, только я! Никто не трогает! Свою мерзость я сам, своими руками, ясно?!

Я судорожно обдумывал происходящее, пытался хоть как-то объяснить поступки всех этих людей. «Ее убили… Жену коменданта. Зачем? Или это была не жена? Но тогда почему он ее так называл?..»

– Ты! – Зельгард встал надо мной. – Захотел на Гадрильскую лестницу? Решил сгнить в Роктане?

Это я тебе устрою. – Теперь он говорил спокойнее. И только окаменевшие скулы выдавали его злость. – Всю оставшуюся жизнь будешь копаться на рудниках! Но не переживай, тебе останется недолго. Слышал про Слепую каэрну? Отряд каторжников, в котором тебе за первую же провинность выжгут глаза. Потом бросят в каменный колодец, к каэрнским сарычам. И будешь там без глаз до безумия отмахиваться, не зная, где сарычи, а где камни. А потом все равно упадешь без сил и будешь просыпаться, только когда сарычи начнут из тебя выдергивать куски мяса. Понимаешь? Да откуда тебе… Ты ж у нас хангол[5], вольный путешественник.

Выговорившись, Зельгард успокоился. Его лицо разгладилось, в глазах появилась неожиданная усмешка.

– Ты ведь только сегодня приехал в Багульдин? А в Харгое долго был?

Я промолчал.

– Отвечай, когда спрашивают! – Один из стражников еще сильнее навалился мне на грудь.

Я почувствовал, как начинают глухо хрустеть ребра, и простонал:

– Два дня.

– Два дня… – задумчиво повторил комендант и теперь усмехнулся шире. – Так ведь ты даже не знаешь, во что ввязался! Да? Ты ведь даже не догадываешься, что тут происходит?

Я качнул головой.

– Пустите его, – тихо скомандовал Зельгард, и его приказ был мгновенно исполнен.

Стражники вскочили на ноги и теперь стояли вокруг меня, готовые по первому слову коменданта пустить в ход мечи.

Ощупав грудь, вдохнув поглубже, я оправил на себе путевой костюм. Не спеша встал.

– Это любопытно… – с язвительной улыбкой бросил мне Зельгард. – Да, забавно. Посмотрим, что из этого получится. На первый раз прощаю. Но запомни, что свою мерзость у нас принято подчищать за собой самостоятельно. Надеюсь, когда придет время, у тебя рука не дрогнет. Тогда и посмотрим, чего ты стоишь. В любом случае мечи моих людей всегда наготове. Понял?

Я нехотя кивнул и тут заметил, что тело Оэдны уже унесли. И только на одной из лавок лежали ее одежды. «Что они с ней сделали?»

После всего случившегося можно было не сомневаться, что Зельгард, как и стражники, как и привратник, сошли с ума. Я не знал, что стало тому причиной – туман или что-то иное, – но это было не так уж и важно. Глядя на то, с какой улыбкой комендант приказал выпроводить меня из ратуши, и услышав, как со смехом переговариваются стражники, я понял, что в Багульдине нужно быть настороже, а лучше при первой возможности покинуть его. Я был слишком близок к цели, чтобы вот так походя рисковать и своей судьбой, и своей жизнью.

Вечером, лежа в «Нагорном плесе», я вновь и вновь перебирал в памяти события сегодняшнего дня, вспоминал все услышанное и увиденное, пытался найти этим событиям и словам логичное объяснение и не находил его. Утешало лишь то, что я наконец добрался до теплых подушек на вааличчьем пуху, хоть и не мог, растревоженный, сполна ими насладиться.

---

[5] *Хангóл* – пришлый, посторонний человек. От ворватоильского «хангол дор» (чужак из-за горы).

Глава 2
«Нагорный плес»

Земли Эрхегорда, в наших краях больше известные как Западный Вальнор, так же входили в Великое торговое Кольцо, наследием чему осталась экономическая развитость этого горного государства, а главное – единый для всего Кольца язык, который мы чаще называем долгим, а реже – общим. Краткий язык, прежде распространенный в Западном Вальноре, назывался ворватоильским по Землям Ворватоила, откуда в Западный Вальнор спустились первые переселенцы. Теперь он используется редко – сохранился, прежде всего, в именах и названиях.

Путешественник должен быть готов к тому, что долгий язык в Землях Эрхегорда отличается в словах и звучании от привычного нам языка, чему виной окончательный распад и забвение Кольца. К тому же вальнорцы, особенно в окраинных местах, говорят с неприятным гортанным акцентом – таким, словно они вознамерились подражать диким птицам, а больше всего – нарскому ворону.

«Краткая история своаналирских народов и государств». Саалдин из Гулемы

– Лучше я тебе расскажу про Мертвые леса Деурии. Слыхал о таких? Нет, конечно. Туда даже нерлиты не заглядывают, а уж эти куда только не лезут со своими проповедями.

Громбакх в один мах опорожнил чашу с хмелем, ударил ею о стол, стер пену с толстых темно-фиолетовых губ и продолжил:

– Там, в этих лесах, на много дней вокруг ничего нет. Ни одного деревца или там кустика. Понимаешь? Каменная пустыня, и всё. Но штука в том, что днем на камнях видны тени ветвей. Колышутся себе, будто настоящие. Словно вокруг лес как лес. На тени посмотришь, так там и трава, и стланик, и чего только нет. А поднимешь глаза – пусто. Ни деревца, ни кустика, ни захудалого листика.

Про Деурию много чего говорят. И страшного, и веселого. И про диких зверей, которые там ходят, опять же – тенью. Но мне вот другое было интересно. Я как-то услышал, что в чащобе… Ну как, в чащобе – в каменной пустыне, где теней столько, что и солнце до земли не проглядывает. Так вот там, по слухам, была деревушка: тени домов, сараев, навесов всяких, а между ними ходят тени людей. Живут себе своей жизнью. По теням даже можно разобрать, чем они заняты: изгородь чинят или сено в стога закидывают. Понимаешь? Вот мне и захотелось отыскать эту деревушку.

Отвлекшись от рассказа, Громбакх подозвал служанку и попросил еще две чаши хмеля с соком эльны.

Сидевший напротив меня следопыт Тенуин молчал. С тех пор как я присоединился к их столу, он не проронил ни слова. Почти не шевелился, будто вовсе спал. Я не видел его лица, так как оно было спрятано под глубоким капюшоном бурнуса, заметил только белую кожу гладко выбритого подбородка. Альбинос.

А вот лицо Громбакха, с его щетиной, широкими шрамами на скулах и не менее широкими черными бровями, я разглядел во всех деталях. Охотник то и дело, развеселившись, ударял меня ладонью по плечу и хохотал, раскрывал рот так, что были видны все зубы. Успокоившись, он с видимым наслаждением принимался жевать мелко порезанные корни синюшки, которые тут называли клютом[6]. Из-за клюта все зубы, язык и губы у него

[6] *Клют* (синюшка, тошнотка, болотка) – корень клютогоны синевидной. Используется для обеззараживания ран. Среди

были темно-фиолетовые. Синюшка пенилась, и охотник изредка сплевывал в пустую чашу густую, почти черную слюну. Каждый раз, когда он забрасывал в рот очередной кубик корня, меня окутывал пряный аромат.

– Долго я там шарахался, – продолжал Громбакх. – Один. По дурости, конечно. Чуть портки не обделал, точно говорю! Людей никого. Пустыня. А под ногами мельтешат тени. Тени ветвей, птиц, мелких зверушек: грызунов всяких, масличек.

Идешь. Кругом тихо. А только кажется, что за тобой следят, – пройдутся по твоей тропе и прячутся. Ночью так совсем пакостно. Тени без солнца пропадают, зато появляются звуки, будто весь день только и ждали, чтоб после заката раскудахтаться во всю дурь. Воет кто-то, скребется. Листва шелестит, сучья ломаются.

Глаза закроешь, а селезенка вся сжимается от страха. Сна нет. Кажется, что лежишь не в пустыне, а в нормальном лесу. Ну как, в нормальном?.. Где-нибудь под Гиблодолом. – Громбакх схватил меня за плечо, вплотную приблизил свое лицо к моему и шепотом продолжил: – Вылезешь из палатки, зажжешь светильник, и кругом сразу тихо. Все негораздки, которые шумели, молчат. Только земля и камни. А по ним от твоего фонаря сразу просыпаются тени. Куда посветишь, видны тени деревьев, кустов. Мне бы мозгами раскинуть да бежать оттуда, а я дальше пошел – деревню искать.

Громбакх отстранился. В два долгих глотка осушил новую чашу. Затем достал из поясного мешка стеклянный бутылек. Ткнул в него пальцем и торопливо провел по носовым буркам[7]. Я и раньше видел такое приспособление – овальные лайтанные кольца с узким желобком посередине, которые крепят, пробивая отверстия в переносице и внешних стенках ноздрей.

Примерно так я и представлял себе охотника, когда впервые услышал о нем от хозяина подворья: с носовыми бурками, пряным клютом, одетого в легкие кожаные брюки и рубаху с короткими рукавами, которые почти не прикрывали его сильные, поросшие черным волосом руки; с амулетом из клыков на шее и сигвами на кистях, где среди прочих узоров были арбалет, топор и расколотая башня.

– Не знаю, будет ли от них толк, – сказал мне Сольвин, хозяин подворья. – Но смотрите сами. Один из них точно охотник, другой, кажется, следопыт. Думаю, вы найдете их в таверне на цокольном этаже. В это время они обычно сидят там. Кажется, они и сами тут застряли, но попробуйте, поговорите.

Не то чтобы я задумал бежать из города в ближайшие дни, но три года странствий приучили меня заранее готовить путь к отступлению. Багульдин был не самым приветливым городом. Утром, во время краткой прогулки по ближайшим кварталам, я заметил слежку. Стражники Зельгарда. Сразу вспомнилось искаженное злобой лицо коменданта. *«Свою мерзость у нас принято подчищать за собой самостоятельно». «Меч моих людей всегда наготове».*

Сольвин заверил меня, что уже месяц не было сообщения с Целинделом – городом, расположенным на западе, в низинных лесах, откуда открывался выход ко всем восточным городам Земель Эрхегорда. Последние всадники и кареты приезжали только со стороны приграничного Харгоя, да и тех в последнюю неделю почти не осталось.

– Как видите, постояльцев у меня немного. – Сольвин с сожалением указал на стенную витрину, где плотными рядами висели бочонки с ключами от комнат. – Вы выбрали не

охотников, часто бывающих на заболоченных местах, распространена привычка жевать вымоченные в специях кусочки корня – для защиты ротовой полости от воспаления и появления паразитов.

[7] *Носовые бу́рки* (ноздревые кольца) – приспособление для вдыхания противовоспалительных масел. Используется для защиты от ядовитых испарений, а также для вдыхания простых ароматических масел. Названо по «буркам» – крепежным кольцам в ноздрях мягконосов.

лучшее время для поездки по этим краям. Если верить слухам, туман не отступит, пока не поглотит нас всех. – Сольвин печально усмехнулся.

Нужно было заранее позаботиться о проводниках – тех, кто мог бы за умеренную плату сопроводить меня до Целиндела или, по меньшей мере, до той части тракта, где заканчивается мгла. Теперь, сидя в цоколе «Нагорного плеса», я слушал рассказы Громбакха и пытался оценить, насколько они со следопытом Тенуином будут надежны в пути.

– Нашел я ту деревушку. Нашел, – продолжал охотник, вдоволь надышавшись маслами из носовой бурки. – Вышел на прогалину, где ни дерева, ничего. А там дальше видно – лежит тень околотка, такая, что с прялами, всякими развесами, поленницей. Вот оно! – Громбакх ладонью хлопнул по столу.

Я невольно вздрогнул от удара и покосился на Тенуина. Тот по-прежнему был неподвижен. Сидел перед единственной чашей с ягодной настойкой и даже не прикасался к ней.

– Все, думаю, добрался. Осталось проверить легенды. Я чего туда полез-то? – Охотник хохотнул, показав темно-фиолетовые зубы. – Мне все эти тени до старой гузки не сдались. Слышал я, там, в доме старосты, стоит интересный сундучок. За ним-то я и пришел. Правда, было непонятно, как к нему подобраться, если он, как и дом, как и вся деревня, – одна большая тень, но я сдуру решил, что разберусь на месте. Ну да, разобрался. Едва портки унес.

Охотник, рассмеявшись, опять хлопнул меня по плечу. Опрокинул третью чашу и потребовал у служанки добавку.

В таверне было шумно. Вокруг столов сидели на стульях и бочках. Всем места не хватило, и кравчий вынес из подвала деревянные табуреты. Здесь перекрикивались, смеялись. Пахло пряностями, дымом, пóтом и жареным мясом. Красный свет масляных ламп, развешанных по углам, был тяжелый, густой. Под потолком прозрачными витками расплывался дым, посетители посапывали деревянными трубками, наслаждались эвкалиптовой смесью.

Сразу три девушки разносили еду. На подносах у них лежали пучки зелени, стояли миски со странной похлебкой сизых оттенков и плошки с вымоченными в альне грибами. Была тут и вырезка горного барана, и темно-коричневое пюре, перемешанное с жиром сотников, и ароматные плоды эльны, и большие, закрученные в косичку латки, и сладкий мох с нашинкованными потрохами кролика, и даже пропитанные медом хлебцы из болотной муки, а также многое другое, чему я не знал названия и чей вкус не мог даже представить.

Я ограничился ягодной настойкой, жареной крольчатиной и бобами с черичным соусом.

– В общем, я полез через околицу, – продолжал Громбакх. – Ну, как полез? Переступил через ее тень и пошел себе дальше. Иду как петух в курятне – довольный, грудь навыпячку. Страха никакого. Ну чего, скажи мне, простые тени сделают живому человеку из настоящей плоти? А теней там было много. Все, как и рассказывали. Скот, домá, сараи, вóлоки. Ну, я прямо по ним и шагал, чего церемониться? А тени людей за мной бежали. Понимаешь? Им-то нужно все дома огибать, в калитки заходить, через заборы лезть. И ведь главное-то, главное не сказал! Они ж там все мелкие. Ну, карлики какие-то! Самый высокий из тех людей не выше моего колена. И домá у них такие же. Так что бояться точно было нечего.

И все бы хорошо, но мне стало как-то зябко. Иду и чувствую, как в груди похолодало, дух захватило и никак не отпускает. Так бывает, если вдруг куда провалишься. Только там на секунду лишает духа, пока не трёхнешься на землю, а тут никак не прекратится, будто, знаешь, я в воздухе застрял.

Ну, думаю, ладно. Как замерз, так и согреюсь. А посмотрел вниз… – Громбакх вновь треснул кулаком по столу, но теперь с такой силой, что даже чаша Тенуина чуть подскочила.

Следопыт повернул голову к охотнику. Мне показалось, что он тихо вздохнул. Это было его первое движение за последние полчаса. Наш стол стоял в углу, и следопыт упирался спиной в стену.

– Драные куздры! Негораздки! – крикнул Громбакх, будто вновь вернулся в Мертвые леса Деурии и опять должен был сражаться за свою жизнь.

Посетители из-за соседних столов с любопытством посмотрели на него, но вскоре вернулись к своим разговорам.

– Вся эта деревенская пакость, все эти проклятые карлики набросились на мою тень! Накидали на нее веревок и давай тянуть-раскачивать – так, знаешь, будто хотели выкорчевать. И ведь получалось, раз мне холодно стало. Клянусь своими портками, они мне чуть всю тень не оторвали! В общем, стало не до шуток. И ну его этот сундук к свиня́м собачьим. Дурость ведь та еще! Ну, нашел бы, а дальше что? Нагреб бы теней от драгоценностей и верских монет? Ладно хоть сообразил. Достал палатку, расправил ее над собой и в ее тени спрятал свою тень. А надо было топор доставать и всю эту погань вырубать! Ну да ладно. Им и палатки хватило. Они ее – вилами, лопатами. Камни в нее бросали. Но я быстренько оттуда свинтил. Они только тень от моих пяток и видали. Вот тебе и Мертвые леса Деурии!

– А я слыхал, там, в Деурии, есть пещера в земле, – неожиданно проговорил старик из-за соседнего стола.

Оказалось, что он все это время слушал охотника, а теперь повернулся к нам, показав длинную деревянную трубку и густую, перевитую серебристой проволокой бороду.

– Если в ту пещеру спуститься, то из Мертвых попадешь в Живые леса. Там все настоящее, только ходит без теней, которые остались на другой стороне.

– Чего? – нахмурился Громбакх. – Ты там был?

– Нет. – Старик качнул головой. – В Хужирах слыхал.

– Слыхал…

– Так что вам надо было через ту пещеру идти.

– А я слыхал, что волосы проволокой переплетают только девки.

– Что? – Старик не сразу понял охотника, а сообразив, что его оскорбили, повторил уже громче: – Что?! – Опустил руку на оголовье меча и привстал, но соседи за столом его остановили.

Положили ему руки на плечи и что-то прошептали. Сплюнув на пол, старик отвернулся.

– То-то же, – усмехнулся охотник.

Расправившись с крольчатиной и бобами, я теперь неспешно потягивал ягодную настойку.

Из рассказов Громбакха для меня главным было то, что он, несмотря на все опасности Мертвых лесов, пошел туда один, рисковал своей жизнью, своей тенью, и все ради сундука, которого, быть может, никогда и не существовало. Значит, и в туман пойдет, если хорошо заплатить и если в его словах правды крылось больше вымысла.

Нужно было переходить к делу. Не дожидаясь, пока охотник начнет новую историю, я предложил ему стать моим проводником до Целиндела.

– Не обязательно идти до города. Главное, выбраться из тумана. Дальше я сам поеду.

Отчего-то развеселившись, забросив в рот очередные кубики клюта, Громбакх покосился на Тенуина и протянул:

– С этим ты, хангол, припозднился. Нас уже наняли. И за хорошую оплату.

– Жаль, – искренне вздохнул я, удивленный таким поворотом.

– Но для тебя есть две новости. Хорошая и плохая.

Охотник сплюнул в чашу синюшной слюной – до того сильно, что брызги разлетелись по столу, – и посмотрел на меня. Ждал, когда я выберу, с какой новости начать. Я не любил такие игры, поэтому молчал. Тогда Громбакх заговорил сам:

– Нас наняли для одного дельца в низине. То есть нам по пути. Мы могли бы взять тебя с собой. Это хорошая новость. – Охотник сделал паузу, потом, чавкая клютом, добавил: – Плохая новость в том, что никто в своем уме в туман не сунется. Никто.

Громбакх с довольной улыбкой развел руками. Посмотрел в зал и рассмеялся:

– Про лечавку сболтни, она и появится. Вот и он. Наш наниматель.

Я увидел, как к нашему столу пробираются сразу трое мужчин. Самый высокий из них шел первым. Худой, затянутый в черный дорожный костюм, он будто нарочно прятал свое тело – для этого туго шнуровал рукава и поднимавшийся до подбородка ворот. Шагал как-то неуклюже, враскидку. Да и весь был какой-то нескладный, с тонкими, длинными руками и ногами, чем напоминал паука. Густые черные волосы лежали на плечах. Глаза смотрели в узкие щелочки век. Все это выдавало в нем родство с пустынными аваками, жившими у границ Соленых озер[8]. На поясе у него висел скрученный кнут с линельным[9] кнутовищем.

Обогнув посетителей и едва не столкнувшись с разносившей еду служанкой, он подошел к нашему столу. Схватил пустовавший табурет и сел между мной и охотником.

– Теор Наирус ас Леонгард, – представился незнакомец, улыбнувшись мне тонкой, неприятной улыбкой. – Можно просто Теор.

Громбакх хохотнул и придвинул ему одну из недавно принесенных чаш хмеля.

Вслед за Теором к столу подошли двое мужчин постарше: невысокие, в тесных розовых сюртучках и с аккуратно зачесанными короткими волосами. Близнецы. Пока они суетились в поисках свободных табуретов, следопыт неожиданно промолвил сухим, монотонным голосом:

– Мы и сами тут застряли.

Судя по тому, что его капюшон был повернут в мою сторону, он обращался ко мне.

– От северных ворот туман слишком густой, – кивнул охотник. – Но теперь и на востоке пакостно. Тебе повезло. В обратную сторону так просто не выскользнешь.

– Мы тут все застряли, – с деланной грустью обронил Теор, при этом дернул головой и бережно провел по волосам ладонью.

– Мы с Теном сюда поднялись за крауглом, – продолжал Громбакх. – Сенозар[10] – самое время для этой пакости. Мерзкая она, со своим панцирем и когтями. Такой навалится и враз тебе все кости переломает.

Да он сам и даром никому не нужен. Его мясом даже лечавка побрезгает. Но в сенозар крауглы откладывают яйца, вот тут можно заработать.

– О да! – согласился Теор. – Яйца краугла фаршируют трюисами и подают с мальдинской икрой. По три золотых за порцию.

– Хорошее дельце! – Охотник придвинул к себе тарелку с бараниной. – Главное, не зевать. Только вот отроги, где они пасутся, к тому времени занесло туманом. Это на юг от Карнальской каменоломни.

– Почему вы сразу не вернулись в низину? – спросил я, разглядывая новых соседей за столом.

– Да так… Кое-кому пришла умнейшая идея. – Громбакх, шутливо скривившись, посмотрел на Тенуина. – Давай, говорит, поищем какашки горного барана. За одну корзину в Целинделе не меньше двух четвертаков дают. Зря, говорит, что ли, в горы лезли. Какашки горного барана – великая ценность, природное серебро, не меньше.

---

[8] *Соленые озера* – цепь глубоких минеральных озер, расположенных на западной окраине Южных Земель, недалеко от Тиолинта. Главный источник красной соли в Землях Эрхегорда (используется при высушивании болот).

[9] *Лине́ль* – упругое вещество из млечного сока некоторых растений (линеленосцев). При обжигании закрепляет приданную ему форму, становится крепким, при этом остается мягким на ощупь.

[10] *Сеноза́р* – второй летний месяц по вольмарскому календарю (27 дней). Название по старому календарю – «Второй месяц Большой луны» или «Большун» (29 дней).

– Назем коагаров ценится, – кивнул один из близнецов.

– Лечебный, – тут же добавил его брат. – Из него делают настойки и мази.

– От простуды и ушибов.

– Народное средство.

Я едва сдержал улыбку, до того слаженно, словно продолжая одну общую фразу, говорили близнецы.

– Ну да, – вздохнул Громбакх. – А пока мы с этим вашим наземом носились, туман вошел в город. Заодно и дорогу к Целинделу затянуло. Теперь вот почти месяц сидим тут с тремя мешками бараньего дерьма.

Близнецы хохотнули и тут же одновременно качнули головой, будто стыдясь, что их развеселили грубые слова охотника.

В таверне тем временем началось оживление. Пришли музыканты. Кравчий и служанки помогли им расположиться возле каменной стойки. Протянулась первая тоскливая нота струнной тойбы, затем не спеша вступила тиала. Когда они стихли, коротко забасил тумбалон. Музыканты будто искали мелодию, пытались нащупать ее тон и настроение. Мягкие, бережные ноты переплетались с эвкалиптовым дымом, со смехом и разговорами посетителей, терялись в них, потом находили себя и крепли. Наконец ударили медные тарелки, загудели сразу три лютры, и все музыканты разом сошлись в ритмичном проигрыше. Посетители оживились еще больше, и теперь многие покачивали плечами в такт задорной мелодии.

– Вы пробовали выехать из города? – спросил я у Теора, который сейчас, сидя на табурете, еще больше походил на паука из-за чуть сгорбленной спины и расставленных угловатых локтей.

Говорить приходилось громче и четче, иначе слова терялись в общем потоке застольного шума.

– Выехать?! – воскликнул Теор. – Поверьте, уважаемый, если б была хоть малейшая возможность покинуть пределы этого чудесного города, я бы давно ею воспользовался.

– Уважаемый… – тихо фыркнул Громбакх, отправив в рот большой кусок свинины.

– Должен признать… – Теор склонился к столу. Улыбнулся, показав мелкие зубы, и заговорщицки прошептал: – Своим заточением здесь я обязан этим господам. – Он поочередно кивнул на охотника и следопыта.

– Угу, – выдавил Громбакх, хотел сказать что-то еще, но ему помешало мясо, которое он теперь натужно пережевывал.

– Да, именно так. – Теор резко отстранился от стола. Поправил сбившиеся на лоб волосы и пояснил: – Я рассчитывал найти в Багульдине хорошего следопыта. Летом их тут бывает немало. В сенозар эти места популярны у охотничьей братии.

– Братии… – опять фыркнул Громбакх, еще не прожевавший, но уже отрезавший себе новый кусок свинины.

– В этом я, как видите, не ошибся, но… – вздохнул Теор. – Небольшое промедление меня погубило. Никто не думал, что туман так резко продвинется вперед.

– Никто, – согласился один из близнецов, придвинув к себе миску крапивного супа.

– Даже наместник этого не ожидал, – сразу добавил его брат. Ему принесли нарельские кабачки с зеленью.

– Вам повезло, что вы не заблудились и попали к нам.

– Да, вопрос в том, сможете ли вы от нас уехать.

– Это вряд ли. Теперь даже с предместьями и крестьянскими полями пропала связь.

– Правда, с южных селений еще едут телеги.

– Да, но туман так сгустился, что из низины уже никто не найдет дорогу сюда.

– И отсюда.

Близнецы говорили быстро и при этом чуть посмеивались. Я только успевал поворачивать голову от одного к другому.

– Мы не представились.

– Я Швик.

– А я Шверк.

– Братья.

– Портные.

– Если что, заходите к нам в мастерскую, сошьем костюмчик.

– Это за кварталом Каменщиков.

– Он, наверное, еще не ориентируется в городе.

– Это точно.

Близнецы рассмеялись. Их, кажется, забавляло, что я так усердно крутил головой. Различить их было непросто: до того старательно они подобрали одинаковую одежду. Даже каменные пуговицы на сюртучках застегивали в неизменном порядке – пропускали две верхние и одну нижнюю. Кроме того, оба близнеца чуть присвистывали на шипящих. Я бы не удивился, узнав, что от рождения это было свойственно лишь одному из них, а второй просто перенял такую особенность. Единственным отличием были седые волоски, которые проглядывали в шевелюре одного из братьев.

– Неужели туман настолько густой, что через него совсем нельзя пройти? – с сомнением спросил я, вспомнив, как сам медленно, ощупью, но все же продвигался по брусчатке и в конце концов достиг городских стен Багульдина.

– О да, – закивал близнец, кажется, Шверк – тот, у которого была седина.

– По дороге в Целиндел, – подхватил Швик, – он такой плотный, что вы не слышите, как бьется ваше сердце. Дальше и того хуже.

– Пропадают всякие чувства. Можете хлопнуть себя по лбу, но не ощутите этого!

– Будто растворяетесь в тумане. Сами становитесь туманом.

– Да, да! Ущипните себя, схватите за нос, но ничего не почувствуете. Даже не будете знать, прикоснулись к себе или нет. Не скажете, холодно вам или тепло. А дальше…

– …дальше тело настолько немеет, что нельзя наверняка сказать, стоите вы или лежите.

– Уперлись в скалу или падаете в обрыв!

– Никаких чувств. Проткните себя иголкой, отрежьте себе ухо и – ничего. Непонятно, идет кровь или нет.

– Многие так и погибли.

– Отрезали себе ухо? – хохотнул Громбакх, расправившийся со всей едой и теперь вновь смазавший носовые бурки ароматными маслами.

– Нет. – Швик замотал головой и серьезно ответил: – Так и не поняли, что сошли с дороги и упали с обрыва.

– А я вот думаю, – прошептал Шверк, – они, конечно, упали на камни и разбились… Только ведь о своей смерти так и не узнали. Навсегда остались в тумане. Так и бредут по нему в надежде вернуться в город или спуститься в низину.

– Бредни, – отмахнулся Громбакх.

– История про Иодиса тоже бредни? – нараспев, подначивая охотника, спросил Теор.

Ему давно принесли яблочный пирог и новую чашу хмеля с соком эльны, но Теор не торопился приступать к ужину. За все это время только расшнуровал рукава и закатал их повыше. На правой кисти у него была сигва с изображением взмывшего над ареной акробата.

Громбакх взглянул на Тенуина. Тот, как и прежде, молчал, не шевелился, но теперь я был уверен, что он внимательно за нами следит и все хорошо слышит.

– Кто такой Иодис? – неуверенно спросил я.

– Гонец Тирхствина, нашего наместника, – ответил Шверк.

– Лучший гонец! – поправил Швик, выскребывая остатки крапивного супа.

– Да, лучший.

– Никто не верил, что туман пройдет через стены Багульдина.

– Но он прошел. Когда стало понятно, что туман никуда не отступит, Тирхствин отправил своего гонца с тревожной вестью в Целиндел. Нужно было сообщить эльгинцам. Такие дела по их части.

– Иодис был хорош! – Швик доел кабачки. Промокнул губы салфеткой и теперь говорил, поковыривая в зубах заостренной щепкой. – Из маоров[11]. У них там все настоящие бегуны. Такой и дикую кошку догонит в открытом поле.

– И места наши он хорошо знал. Мог вслепую до Целиндела добежать. Ему и лошади не надо было. Тракт идет петлями по косогору, а он, если что, бежал напрямик – по пастушьей тропке.

– Да, знал каждый отворот.

– Чтобы уж с ним наверняка ничего не случилось, придумали привязать к нему веревку.

– Веревку нам заказали, – с гордостью, приосанившись, добавил Швик.

– Ну, не только нам. Тут весь квартал Портных на уши поставили. У нас сроду столько картулины не было.

– А тут другая веревка не поможет. Ему бы под конец пришлось ее на всю длину тащить. А картулина тонкая, легкая, но прочная – руками не порвешь.

– На пару верст должно было хватить. Он ее там собирался, по возможности, крепить, чтобы получилась веревочная тропа.

– Это наместник хорошо придумал.

– Только не он, а его дочь.

– В общем, обвязали и выпустили Иодиса в северные ворота. Тогда еще не знали, что в густом тумане все чувства пропадают.

– И не знаешь, держишься за веревку или нет. А может, уперся в скалу и продолжаешь, как безумный, в нее тыкаться носом.

– Или вообще в пропасть обвалился, повис и болтаешься себе. Не понимаешь этого. Висишь в пустоте, а думаешь, что по-прежнему идешь. Только ногами дрыгаешь.

– Да… – одновременно вздохнули близнецы.

– А гонец? – спросил я.

– Пропал, – пожал плечами Шверк.

– Его долго вели, а потом веревка замерла. Подумали, что перетерлась. Стали ее обратно наматывать.

– А там – ни обрыва, ни разреза. Просто развязана.

– Это как? – удивился я.

– Так.

– И кто ее развязал?

– А нам откуда знать? – усмехнулся Швик.

– Иодис и развязал. Аккуратно так, внимательно. Узел сложный был. Вот и неизвестно, что с ним случилось. Дошел или погиб.

– Вот вам и бредни! – Теор посмотрел на Громбакха.

Тот не обратил внимания на его слова.

---

[11] *Маóры* – племенной народ в Землях Нурволкина. Отличается удлиненной голенью, коротким туловищем, приплюснутым лбом. Культурное наследие древних маоров, живших на юге от Гардаильских сопок, было уничтожено во время Второй Месатоланской войны. Остатки племен вынуждены были перекочевать в Земли Нурволкина.

– Это не просто мгла, – неожиданно повернулся к нам старик – тот самый, чья борода была переплетена серебристой проволокой. – Это туман забвения. Наказание нам за то, что мы сделали с городом.

– А тебе неймется, да? – встрепенулся охотник.

Соседям старика вновь пришлось его успокаивать. Правда, в этот раз он и не рвался к нашему столу, только прикоснулся к рукоятке меча и на этом успокоился.

– А Багульдин и в самом деле изменился, – с грустью согласился Шверк.

Швик впервые промолчал, не стал дополнять брата и только с сожалением кивнул.

Служанки принесли нам вторую смену блюд. Разговор за столом стал путаным, разбился на отрывочные диалоги и рассказы.

Портные говорили, что Багульдин, прежде известный город каменщиков, в последние годы превратился в перевалочный пункт, через который на горные термальные здравницы проезжали богатеи из низин.

– Сколько их там застряло из-за мглы!

– Смешно подумать!

Теор, то и дело поправляя волосы, говорил, что у него нет возможности так долго ждать, что ему нужно вместе с охотником и следопытом срочно попасть в Целиндел.

– У меня ведь младший брат пропал. Два месяца. И так надежды мало, а тут еще – туман.

Громбакх, окончательно захмелев, порывался рассказать мне о своих приключениях в Кумаранских предгорьях, в Саильских пещерах, в огненных песках Саам-Гулана. Бормотал что-то про гиблые лишайники, орды летучих хвойников и ядовитой саранчи. Я едва разбирал его слова.

И только Тенуин по-прежнему молчал. В том, что он не спит, я вновь убедился, когда встал с табурета, – следопыт сразу приподнял голову, явно проводив мое движение взглядом.

Коротко распрощавшись со всеми, я направился к стойке кравчего. Пришлось плутать, протискиваться и даже проталкиваться, прежде чем я смог расплатиться за ужин и выйти наружу.

Ярмарочная площадь в этот поздний час была пустой, безлюдной. Здесь не зажигали ни факелов, ни светильников, но этого и не требовалось. Все хорошо освещал огонь ратуши, в котором я сейчас разглядел витые прожилки синевы.

Чистый воздух и ночная тишина сразу приободрили. Я еще несколько минут стоял на веранде, наслаждаясь свежестью просторного дыхания.

Решил прогуляться перед сном.

Неторопливо прошелся в сторону карнальской статуи Эрхегорда Великого. Присмотрелся к голове дикого зверя, которую он держал за густой загривок, и тут услышал позади шум. Дверь таверны распахнулась, ударилась о стену до того громко, что я, развернувшись, невольно схватился за рукоятку меча.

На пороге стоял Теор.

Черный костюм. Тонкие ноги и руки. Свернутый кнут на поясе. Узкие щелки глаз. Теор. Никаких сомнений. Только вот его длинные черные волосы… Сейчас они были ярко-золотыми. Я растерялся, не зная, как объяснить эту перемену и то, почему он столь поспешно выбежал наружу. В его глазах да и во всех движениях угадывался страх.

– Не делайте этого, – гордо, но с ощутимой дрожью в голосе сказал Теор.

Посмотрел на мой меч.

Чуть сгорбился и по-паучьи медленно, неуклюже попятился вдоль стены. Боялся, что я на него нападу. Это было безумием. Однако, настороженный его страхом, я лишь крепче сжал рукоятку меча.

– Ведь вы даже не знаете, зачем я здесь! – В движениях Теора была заметна слабость. Должно быть, сказывался хмель. – Не торопитесь. Не мешайте мне, и нам всем будет лучше.

Я не мог отвести взгляда от его волос, чистым золотом спускавшихся на плечи и сиявших при свете ратуши.

– Неловко получилось. Но то, что задумали эти господа, – самоубийство. Я знаю, что делать. Комендант прав. Нужно довериться ему. Это наш единственный шанс пройти через туман. А мне очень-очень нужно вернуться! Мой брат… Уже два месяца…

Заинтересованный словами Теора, я сделал несколько шагов в его сторону, надеясь, что в хмельной расслабленности тот сболтнет что-то важное, нечто такое, что поможет мне выбраться из Багульдина.

Теор неуверенным движением отстегнул от пояса боевой кнут. Вскинул его, и на конце развернувшегося кнута раскрылся пучок упругих отростков; на каждом из них поблескивала тонкая полоска лезвия, они с едва различимым щелчком опустились на брусчатку.

«Хлястник», – с удивлением подумал я. Редкое оружие, требующее в обращении исключительной ловкости, а при должных навыках – смертоносное.

Я неторопливо обнажил меч. Теор был в пятнадцати шагах от меня. Слишком большое расстояние для неожиданной атаки. Впрочем, хмельная вялость его движений могла быть притворной.

«Но ведь он думает, что это я нападу. Чего он боится? Что здесь вообще происходит?»

Теор по-прежнему шел боком. Неотрывно смотрел на меня. Лезвия хлястника, глухо позвякивая, волочились за ним по брусчатке.

Ему оставалось сделать не больше десяти шагов до проулка.

– Постойте, – сказал я. – Что вы знаете о тумане? В чем прав комендант?

– Я не самоубийца, – невпопад проговорил Теор. – Но должен это сделать.

Краем глаза я заметил, как в дверях таверны мелькнула тень.

Резко поднял меч. Обхватил его двумя руками и занял исходную позицию для отражения атаки. Но тень скользила не в мою сторону.

– Нет! – вскрикнул Теор.

Я с ужасом заметил, что в окна таверны смотрят люди. Они приникли к мутному хрусталину, наблюдали за мной, за Теором и за Тенуином. Чего-то ждали.

В том, что именно следопыт выскочил из таверны, я уже не сомневался. Его бурнус был в боевой готовности: ремни на груди и талии – затянуты, рукава – задраны до локтей и подвязаны, капюшон – накинут на лицо и закреплен так, что превратился в маску, а бикуляры, прежде скрытые в складках плотной ткани, ровно прижаты к глазам.

– Не делайте этого. Вы нас всех погубите…

Теор не успел договорить.

Следопыт остановился. Вытянул правую руку, обхватил ее предплечье левой рукой.

Тонкий свист рассек воздух.

Наручный арбалет.

Хлястник выпал на брусчатку. Теор схватился за шею. Сквозь пальцы потекла кровь.

Он силился что-то сказать, но только хрипел, а между губ растягивались кровавые пленки. Все лица в хрусталиновых окнах повернулись в его сторону.

Я дернулся вперед, но тут же замер. Понял, что Теору уже не помочь. Встал боком – так, чтобы следопыту было сложнее в меня попасть. Я отчего-то был уверен, что сражения не избежать. Еще один выстрел – и можно нападать. Не ждать, пока он затянет в арбалет новый болт.

Пятнадцать шагов. С такого расстояния Тенуин не промахнется. Я сделал несколько шагов назад.

Все разбилось на множество отдельных, быстро сменяющих друг друга, но при этом застывших мгновений. Их торопливо отсчитывало сердце, в его биении передо мной мерцали однообразные картинки.

Нужно было надеть нагрудник.

«Если нападет не сразу, успею спрятаться за статуей».

Следопыт ослабил крепления на капюшоне и поднял его на макушку – в привычное положение. Он и не думал на меня нападать.

Лица в окнах таверны исчезли. Никого уже не интересовало то, что будет дальше.

– Он мог все испортить, – спокойно промолвил Тенуин. – Он бы и сам себя убил, но слишком много выпил.

Я промолчал в ответ и сделал еще несколько шагов назад.

– А свой меч убереги для себя. Если не сможешь отпустить, убивай сразу. Поначалу они всегда слабые.

Следопыт подошел к двери в таверну. Помедлив, обернулся и добавил:

– Но лучше отпусти. Не думаю, что они виноваты в тумане. Скорее, наоборот.

Тенуин ушел, а я все никак не опускал меч. Стоял на месте и только смотрел в мутные окна таверны.

«Что все это значит? Все эти люди… Они сошли с ума. Другого объяснения не может быть. Мгла…» – это был единственный вывод, который я смог сделать. Испугался, что и сам могу лишиться рассудка. Нужно было бежать из города, пока и меня не накрыло. Лучше рискнуть и отправиться в туман, чем сидеть тут и покорно ждать безумия.

«Ты точно не видел меня?.. Может, мы с тобой по пути пересеклись? Странно. Куда же я подевался?..»

«Ты не человек. И я слишком тебя люблю, чтобы позволить такой мерзости разгуливать по городу и называть себя моей женой».

«Ты ведь знаешь, что я буду приходить вновь и вновь. Вновь и вновь… Потому что презираю тебя».

«Он бы и сам себя убил, но слишком много выпил».

В памяти разом заговорили привратник восточных ворот, Зельгард, его жена, следопыт. Я чувствовал, что их слова как-то связаны, но не понимал, как именно. Всеобщее наваждение. Но в этом помешательстве была какая-то логичная связь, последовательность.

«Это мерзость. Это болезнь. Это обман».

«Свой меч убереги для себя… убивай сразу. Поначалу они слабые».

Растерянный, я медленно подошел к убитому Теору.

Если туман в самом деле только впускает в город, а наружу уже никого не выпускает, то Багульдин стал для меня ловушкой. Тупик. И все это, когда цель так близка.

Я не убирал меч, будто Теор, лежавший в тени подворья, еще мог ударить меня хлястником. Склонился над ним. Пригляделся – и отскочил на несколько шагов.

Гулкие, тяжелые удары сердца.

Крепче сдавил рукоятку меча. До боли расширил глаза, боялся, что иначе они меня обманут. «Что…» Стало зябко. Будто кто-то надавил мне на грудь морозными ладонями. Должно быть, так чувствовал себя Громбакх, когда тени Мертвых лесов пытались заарканить, разорвать его собственную тень. Теор… Его тело пропало. На том месте, где он упал, зажимая пробитое горло, была только одежда. Черный дорожный костюм с высоким воро-

том. Кожаные баерки. Плетеный пояс. Ни крови, ни плоти. Ничего. Лишь влажная, словно покрытая росой одежда.

«Может, ты видел мои доспехи?» – прошептал во мне привратник.

Оэдна. Жена коменданта. Ее парчовая куртка с меховой оборкой, синяя юбка. Я вспомнил, как они лежали на лавке. Тéла, пронзенного мечом, поблизости не было. И крови, кажется, не было – тогда я не обратил на это внимания.

Оэдна. Ее ярко-золотые волосы. Как и волосы Теора, которые в таверне были черными.

Тенуин с безразличием убил человека, с которым только что сидел за одним столом. Зельгард хотел убить собственную жену и разозлился на стражника, потому что тот его опередил…

– Нужно уезжать. Чем раньше, тем лучше, – прошептал я и быстрым шагом направился к двери «Нагорного плеса». О том, чтобы пройти сквозь цокольную таверну, я, конечно, не мог и подумать.

Глава 3
Квартал теней

На левое плечо жителям Земель Эрхегорда, прежде всего, наносят сигвы об образовании, гражданской службе и семейном положении. На правое ставят отметки строевой службы.

На шее слева отмечают дату и город рождения, а также первое имя. На шее сзади указывают каторжные заключения (подробнее о них можно узнать по сигвам на спине). Сигвы на лбу и щеках означают принадлежность к древнему роду. На кистях разрешается наносить любые изображения; как правило, это символы приверженности, личных идеалов или знаки веры; они не ограничены обычными точками, кружками и полосками, как на официальных сигвах.

Сигвы, которые перестали соответствовать действительности, очерчиваются рамкой и называются закрытыми.
«Собрание путевых заметок». Дафнар-младший из рода Ниноэла

Прошла неделя с того дня, как моя гартолла остановилась на заднем дворе «Нагорного плеса». За это время чувство, что я угодил в западню, усилилось. У меня было достаточно времени изучить центральные кварталы города, наведаться в самые большие таверны, постоялые дворы, на рынки и в другие места, где можно было надеяться на встречу с проводником. Я говорил с охотниками, следопытами, травниками, скотниками, бродячими музыкантами, видел двух проповедников – все они, как и Громбакх с Тенуином, приехали сюда в сенозар, надеясь заработать на охоте, сборе трав или выступлении перед отдыхающими, а в итоге оказались заперты туманом. Предложение вместе выехать в низину вызывало лишь смех или раздраженную отповедь.

– Ищи дурака, хангол! – брюзжал старый охотник в «Хмельном подклете». – Ты бы сперва научился нормально выговаривать «Целиндел», а потом бы приставал к людям.

– Спросите у коменданта, – советовал травник на Подвозном рынке. – Говорят, умнейший человек. А я нет, я обратно в туман не хочу. Я ведь был на Саэльских лугах. Там зацвели вальтинки. То есть нет, сейчас они уже распушились, а тогда… Кстати, если хотите, могу вам продать. Два медяка за большой туесок. Я ведь корзины не бросил. Из-за них чуть и не погиб.

Я терпеливо выслушивал упреки в невежестве, обвинения в безумстве и снисходительные утешения, надеялся найти хоть малейшую зацепку, которая помогла бы мне покинуть Багульдин. Подумывал даже рискнуть и самостоятельно отправиться назад, в Харгой – все говорили, что с востока туман не такой гибельный, – но понимал, что никогда на это не соглашусь. Спуск к Целинделу был единственной дорогой вглубь Земель Эрхегорда. Возвращаться в Западные княжества я не хотел; объезд к южному проходу отнял бы у меня не меньше года.

По какой бы улице Багульдина я ни шел, она неизменно приводила к стене тумана. И чем ближе была мгла, тем реже встречались прохожие. Город затихал. Ни карет, ни повозок, ни всадников. Даже стражники тут встречались редко.

Отчаявшись найти проводника в оживленной части Багульдина, я решил со временем заглянуть в ту часть, где власть была отдана туману, – ведь и там до сих пор жили люди. В первый день, пробираясь от восточных ворот, я видел наглухо запертые до последнего окошка дома, но сквозь щели проглядывал свет. В конце концов, в туманных кварталах могли прятаться контрабандисты, такие дельцы порой находят лазейки даже из осажденных городов и могут оказаться лучшими проводниками, знающими скрытый тоннель или просто выверенную тропу.

Но с возвращением во мглу я не торопился. Для начала нужно было воспользоваться приглашением, которое я получил от местного распорядителя. Меня, как вольного путешественника, ждали на званом обеде в резиденции наместника. Гостей в Багульдине в последнее время было немного, и распорядитель наверняка рассчитывал, что я буду развлекать всех рассказами о пройденном пути, о приключениях, которые мне довелось пережить за последние годы. В другой ситуации я бы отказался от подобной роли, но сейчас это был шанс познакомиться со знатными людьми города, расспросить их о том, где искать проводника.

До званого обеда оставалось несколько дней, так что у меня было время заглянуть в Заложный дом – обменять часть своаналирских золотых на местные вольмарские монеты и купить дорожные билеты золотых и серебряных залогов, которые я мог предъявить в любом Заложном доме по всем Землям Эрхегорда. Мне объяснили, что для подтверждения права на залоги достаточно будет показать въездную сигву на левом плече, однако предупредили, что из-за тумана еще не скоро передадут мою запись в головное отделение.

Вернувшись в «Нагорный плес», я решил сделать первые записи для своего путеводника. Стражники Зельгарда по-прежнему следили за мной, хоть и не так настойчиво, как в первую пору, и я понимал, что подобные записи могут однажды меня выручить, подтвердить цель моей поездки в Земли Эрхегорда, которую я указал еще в Харгое.

Разместившись на балконе, я приготовился писать. Отсюда открывался чудесный вид на Ярмарочную площадь и на окружившую город стену непроницаемой мглы. Кроме того, сейчас можно было насладиться ярким, вычищенным от облаков солнцем – оно заглядывало в Багульдин лишь в полуденные часы и задолго до вечера уходило за кромку тумана.

Открыл роговую чернильницу, достал из футляра любимое костяное перо с серебряным наконечником и первым делом записал вчерашний разговор с травницей в «Буераке». Старуха, отказавшись сопроводить меня до Целиндела и заметив, что я удручен таким отказом, поторопилась рассказать об истинном, как ей казалось, значении тумана. Подобных легенд я в тавернах Багульдина услышал немало, но эта, пожалуй, была самой любопытной.

Травница, одетая в просторные льняные одежды, говорила с улыбкой; она не сходила с ее лица даже в те мгновения, когда голос старухи выдавал искренний суеверный страх.

– Наш город старый. Старый… Еще в годы Миноса, пятого Венценосца из рода Эрхегорда, здесь, под горой Багуль-наар, обвалилась скала. Камнями засыпало пастбище и пастушьи балаганы. Но страшным было другое. Открылась расщелина, в которую из горных глубин поднялся свир.

– Свир? – переспросил я.

– Да. Ядовитый свир. Он как туман, только густой-густой. Как молоко, только легче воздуха, – попыталась объяснить старуха.

Ее темно-зеленые губы выдавали увлечение наэрлой. Сок этого корня обостряет чувства. Его пьют разведчики, добытчики, следопыты; нередко им увлекаются и простые горожане – находят в обостренных чувствах особенное удовольствие. Главное не пить сок наэрлы перед сражением. После него даже обыкновенная царапина бывает нестерпимо болезненной.

– Люди верили, что это – дыхание калургов, древних чудищ, живущих в недрах земли, – продолжала старуха. – Над Целинделом, в низине, собирались синие тучи свира. Тяжелые дожди губили урожай, калечили людей и скот. Калечили… Когда Минос узнал, он велел лучшим каменщикам Земель отправиться сюда, под гору Багуль-наар, и соорудить не то колпак, не то крышу над расщелиной – такой, чтобы свир не выходил наружу.

Старуха отчего-то захихикала. Я терпеливо ждал, когда она перейдет к рассказу о тумане.

«Буерак» – дешевая таверна на окраине квартала Скорняков, в сотне шагах от мглы. Здесь под голыми желтыми стенами в ряд стояли хмельные бочки. Несколько деревянных

дверей вели в съемные комнаты. Каменные столы, стулья. За каменной стойкой кравчего висели полки, заставленные глиняными горшками и плетенками. Под балочным потолком на металлической цепи держалась почерневшая свечная люстра.

Посетителей в «Буераке» было немного.

– Тогда много каменщиков погибло. Отравились. Сгорели, – улыбалась травница. – Говорят, хотели завалить расщелину. Не смогли. Свир выбивал любые глыбы. Мучились долго и построили башню из кумаранского камня – такую, чтоб весь этот свир поднимался по ее внутренностям. А верхушку подожгли. Подожгли… Вот тебе, считай, основание Багульдина. Свир тогда вспыхнул. А башня стала… как факел, который известил о большой победе. Громче всех ликовали в Целинделе. Их свирным ядом славно пожгло. Славно… Вот и наместник тамошний уговорил каменщиков остаться возле башни, следить за ней, чтобы не ломалась, не осыпалась.

Она выше, чем кажется. Башня то есть. Выше… Над ратушей торчит ее верхушка. Как шея с огненной головой. А все другое – само тело – внизу, под городом. Там же каменщики сделали кузни. Они, может, и усластились словами наместника, а остались, потому что быстро прознали свойства свира. Быстро…

Оно ведь, когда металл обработаешь на огне из свира, его лезвие пропитывается синевой и делается прочным, острым, им можно на камне вырезать узоры так же легко, как и на дереве. Даже я такими резцами картинки делала не хуже некоторых мастеров.

Старуха рассмеялась особенно громко. Кравчий, с которым я успел поругаться на входе в таверну, с подозрением покосился на травницу. Качнул головой и продолжил тереть тарелки темным от старой влаги полотенцем.

– Я бывала в кузнях. Там работал мой отец. Работал… Видела, как обрабатывают металл. Работа никогда не прекращается. Ведь не проходит и дня, как синева слезает с резцов, они притупляются. У нас, бывало, пытались украсть инструменты мастеров, да всегда оставались в дурачках. Далеко его не унесешь. Только до Целиндела доскачешь, а металл уже притупился.

Записав рассказ старухи об основании Багульдина, я ненадолго отложил перо. Встал к балюстраде. Рассматривал горожан, переходивших через площадь и толпившихся у торговых лавок. Наблюдал за тем, как на веранде одного из домов спрятался мальчик. Следом за ним из переулка выскочила женщина. Пробежала мимо. Мальчик скользнул обратно. Должно быть, прятался от матери. Обычная городская жизнь. Словно и нет никакого тумана, нет Хубистана: именно о нем я и сделал следующую запись в путеводнике:

> «От пожилой травницы, бежавшей из своей хижины на востоке Закрайных полей и теперь живущей в Багульдине у дальней родственницы, я узнал легенду о Хубистане. Мне и раньше доводилось слышать о ней, правда отрывочно. Но могу предположить, что у местных обывателей распространено подобное суеверное толкование тумана. Чем дольше город будет осажден мглой, тем бóльшую крепость обретет в умах людей этот предрассудок. Уверен, что со временем вера в Хубистан, подобно безумию, поразит и другие, более просвещенные умы, ведь страх и отчаяние – это топливо, на котором суеверия горят особенно ярко».

– Почему, думаете, первый ойгур наших Земель, Эрхегорд Великий, укрепил свои границы не здесь, на горных полях Айликмы, а чуть ниже, в Харгое? – прищурившись, спросила травница.

Я пожал плечами, чем опять развеселил ее.

– Ведь не все так просто. Я в границах мало понимаю, но и мне, старухе, ясно, что на возвышении сражаться проще. Проще…

Травница замолчала, ожидая, что я поинтересуюсь разгадкой этой тайны. Я не стал ее разочаровывать:

– И почему?

– Что? – с наигранной вредностью уточнила она.

– Почему Эрхегорд не построил здесь пограничную стену?

– А-а! – Старуха обрадовалась и кивком похвалила меня за удачный вопрос. – Он знал, что скрыто в наших горах, что таится в их недрах. Знал… Два или три раза в век случается так, что свир иссякает. Огонь над ратушей гаснет. Ненадолго. На два или три дня. В Багульдине принято эти дни считать праздником. Мастера выходят из кузен. Потом свир возвращается. И все хорошо.

А лет десять назад наш наместник придумал спустить в расщелину следопыта. Отправить его в самую глубь и послушать, что он потом расскажет. Хотел узнать, откуда идет свир.

Все было хорошо. Свили десяток катушек картулины. Не хотели рисковать и решили, что от рассвета до полудня будут опускать следопыта вниз, а как солнце пойдет к Целинделу, так сразу тянуть его обратно. Обратно… Дали ему светильник, кувшин масла, туесок с чем-то вяленым и воды. Все сделали, как хотели.

Старуха опять замолчала, и мне пришлось спросить:

– И что он там увидел?

– Много чего, много… – Травница громко цокнула языком. – А вот рассказать никому не рассказал.

– Почему?

– А вот так. И достали его раньше времени. Еще до полудня солнце не поднялось, а веревка вся затряслась. Запрыгала, закрутилась. А потом так натянулась, будто на нее целую глыбу навесили. Вот все и перепугались. Стали скорее тащить. Думали, что уже не увидят следопыта. Что бы там с ним ни случилось. Это еще повезло, картулина выдержала. Тяжело было тащить. Тяжело…

Когда вытащили, увидели, что живой. Живой… Только вот весь седой. А ему и лет-то было не так много. И в глазах – страх. Кто видел, говорили, что в глаза ему смотрели и в ужасе разбегались.

Где он там был, никто не знает. Следопыт с тех пор ни слова не сказал. Ни слова… Уж чего наместник ни делал! И травниц ему с Ара-Култука вызывал, будто своих мало… – Старуха усмехнулась. – Его даже в Матриандир на лечение отсылали. А он знай себе молчал. И только ужас в глазах – так и застыл до последних дней. И тело у него стало тяжелое, будто не один человек, а сразу два. Чего уж там с ним случилось, что он увидел?

Помучили его да и оставили в покое. Сидел себе на стуле, покачивался. А на глаза ему повязку сделали. Ни жена, ни сын не хотели ему в глаза заглядывать. Говорили, будто туда, в расщелину, смотришь. Будто в расщелину…

Ночью, говорят, он иногда вскакивал и бежал к ратуше. Вроде как в кузни хотел спуститься. Его не пускали. Он не мог объяснить, чего ему там понадобилось, вот и не пускали. Мычал что-то, тряс головой. Когда успокаивался, его отводили домой.

Долго так жил, потом пропал. Может, все же пробрался в кузни. А может, в горы ушел. Никто не знает. Теперь о нем вспоминать не любят. Страшно. Не так уж глубоко его опустили, до недр-то далековато…

Травница впервые за все время, что мы с ней говорили, перестала улыбаться. Без улыбки ее лицо показалось особенно старым, к тому же – безобразным.

– Нельзя было этого делать. Так ведь и разбудили Хубистан.

> «По словам травницы, Хубистан – некий дух забвения, живущий в подземной долине, под местными горами. Около десяти лет назад, по прихоти наместника Багульдина, в расщелину под ратушей опустили

следопыта в надежде, что он увидит источник свира. Считается, что этот следопыт не то пробудил Хубистан, не то каким-то образом привлек его внимание. Дух забвения поднялся на поверхность горы в нескольких десятках верст от города».

– Он бы прошел мимо, но почувствовал нашу слабость… – Травница теперь подалась вперед, нависла над столом и шептала, глядя в пустоту: – Слабость… Хубистан нападает медленно. Ползет вниз по скалам. Не гремит, не пугает. От него легко убежать. И только те, кто не готов к переменам, кто боится собственных желаний, пропадают в нем навсегда.

В забвении есть и своя радость, – уже спокойнее и вновь с улыбкой проговорила старуха. – Люди в нем бывают по-своему счастливы. Только не замечают, как сами становятся туманом. Он их растворяет. А потом, когда уже весь город становится сумеречным, ведет за собой на поиск других городов.

Полчища сумеречных людей. Его воинство. Воинство… Мы их не видим, но они уже вошли в Багульдин. Стоят на его улицах, в его домах. Ждут своего часа.

– Если вы все это знали, почему не ушли из города? Ведь туман начал стягиваться еще год назад.

– Ну почему же? Ушла. Еще как ушла! – Травница залилась рваным, каким-то звериным смехом.

Безумная.

Я отложил перо. Вновь подошел к балюстраде.

Вспоминал слова старухи о Хубистане, о тумане забвения. Смотрел на гладкую стену мглы над городом. Поглядывал на прохожих и представлял, как туман поглощает их, делает послушными сумеречными воинами, как… Я весь подался вперед. Застыл над перилами. Там, в узком проходе между торговых лавок, на краю Ярмарочной площади… «Не может быть».

Не верил тому, что видел.

Еще несколько секунд стоял в растерянности, не зная, что делать, потом бросился в комнату. Задел письменный столик и опрокинул чернильницу. Ее содержимое выпросталось одним большим пятном. Часть рукописей была загублена. Я потянулся к испачканным листам, но понял, что нет времени тут копошиться. Нужно было скорее бежать на площадь – туда, к проходу между лавок.

«Как это возможно?»

Я засуетился в комнате. Еще не зная, что буду делать, что скажу и как объясню свое неожиданное появление, набросил путевой плащ. Накинул пристяжной капюшон.

«Лучше скрыть лицо. Он не должен меня узнать».

Выскочил из комнаты. Неверной рукой провозился с замком. Заперев его, сунул ключ в карман и побежал по коридору.

Вскрикнув, посторонилась служанка с умывальным тазом – грязная вода плеснула на каменный пол и ее передник.

«Неужели я ошибся? И волосы… Опять черные».

Скользя и едва удерживая равновесие, я промчался по двум лестничным пролетам. Ворвался в гостевой зал.

«Я должен понять!»

На ходу заметил, что Сольвин, хозяин подворья, испугался гораздо сильнее, чем может испугать чье-то неожиданное появление. Объясняться не было времени.

Распахнул входную дверь. Услышал, как Сольвин крикнул мне вслед:

– Вас все равно поймают! Можете не бежать.

Я мгновение помедлил, удивленный такими словами, но решил разобраться с этим позже. Сейчас нужно было бежать.

Тишина подворья резко сменилась шумом Ярмарочной площади. С балкона площадь была видна вся, теперь же я оказался среди людей и пришлось продвигаться наугад.

В лицо слабо задувал теплый ветер. Из-за тумана в Багульдине днем всегда чувствовалась духота. Свежесть и цветение гор угадывались лишь по вечерам.

Я расталкивал прохожих, торопливо извиняясь в ответ на возмущенные окрики. Уверенно шел вперед. Бежать было опасно. Я бы привлек слишком много внимания. Оставалось надеяться, что он не ушел далеко.

Чем ближе я подходил к торговым палаткам, тем сильнее сомневался. «Не может быть…» На таком расстоянии легко ошибиться. Но этот черный костюм с высоким воротом, неуклюжая походка, тонкие ноги и руки, свернутый кнут на поясе и длинные черные волосы… Да, волосы опять были черными.

Теор. Такого трудно с кем-то перепутать.

Палатки были совсем близко, а я в очередной раз спрашивал себя, как поступлю, если тот человек в самом деле окажется Теором. Подойти и потребовать объяснения – глупо. Ни Тенуина, ни Громбакха я с тех пор ни разу не видел. Подумал даже, что они скрываются в туманной части города, боятся наказания за открытое убийство – ведь о нем могли узнать люди коменданта.

– Ну куда, куда!

Я нечаянно задел женщину, нагруженную тканными сумками и большой корзиной с хлебом. Услышав причитания, остановился и вовремя заметил Теора.

Теперь не было никаких сомнений.

Он о чем-то говорил с продавцом из скобяной лавки. Стоял ко мне вполоборота, так, что можно было без помех рассмотреть его лицо.

«Значит, жив. Следопыт не убивал его. Но тогда кого он убил?»

Я по-прежнему не знал, что делать. Подумал, что веду себя глупо. Сделал шаг, чтобы заговорить с Теором, но, помедлив, решил для начала за ним проследить.

Багульдин больше месяца был спрятан от обозов и торговых подвод, туман скрыл поля и угодья, а запасы местных ле́дников, амбаров и складов должны были со временем закончиться; горожане понимали это и торопились скупить то, что еще было доступно на рынках, пусть даже цены поднялись до пределов, разрешенных наместником. Из южных селений еще поступали свежие продукты, и многие, готовясь к летней ярмарке, успели заполнить свои склады зерном, мукой, пряностями и прочей бакалеей, однако, проходя вдоль лавок, я видел, что торговцы уже не боялись выкладывать отчасти порченные, тронутые гнилью продукты – сейчас и на такой товар находился свой покупатель. Вечерние застолья в цоколе «Нагорного плеса» и в других тавернах могли показаться излишеством, но многие верили в скоротечность тумана. Встречались и те, кто считал гибель во мгле неминуемой, – они торопились утешить себя последними дарами жизни.

Теор выглядел беспечным. Никуда не торопился. Обошел еще несколько скобяных развалов. Отыскал интересовавшие его детали и отправился к Кузнечной улице. Я не отставал от него, стараясь при этом держаться на безопасном расстоянии.

Свернув на Смольную аллею и пройдя Скотный торг, он устремился вглубь квартала Каменщиков – прежде оживленного, шумного, а теперь таящегося в безмолвии.

Большинство каменщиков покинули Багульдин еще в те дни, когда это было возможно. Их не задержала даже близость ярмарки. Ежегодную ярмарку каменных изделий проводили

в гумник[12] – последний летний месяц. Всякий раз она становилась главным праздничным событием в городе. Сюда стекались закупщики со всех Восточных Земель. Приезжали кочевники-музыканты, бродячие художники, калики, бывавшие в песках Саам-Гулана, блаженные предсказатели из Дегауля. На ярмарку заглядывали даже из Пекель-Зорда – огненного города Северных Земель. Его жители привозили жидкие горящие камни, устраивали перед ратушей огненное представление.

У северных ворот Багульдина собирался целый остров из карет, гартолл и повозок. В крестьянских селах открывались летние постоялые дворы. Ярмарочная площадь застраивалась деревянными времянками. Лотки с поделками из разного камня стояли по всей Парадной улице. Город шумел, радовался. Снизу, из Целиндела, едва успевали подвозить новые бочки хмеля. Дети набивались в палатки, где странники рассказывали им о далеких краях, о затерянных землях.

Ярмарка работала и днем, и ночью. Одновременно с ней проводили Праздник хмеля и Праздник взросления – в эти дни подросткам, которым уже исполнилось шестнадцать лет, разрешалось сделать первую кистевую сигву.

В Багульдин приезжали богатые купцы, представители знатных родов. Они гостили в горных подворьях, гуляли по укрепленным тропинкам, а в конце месяца увозили домой узорные плиты, барельефы и даже статуи, нередко сделанные мастером на заказ – с фигурой и лицом заказчика.

Первая ярмарка прошла больше двух столетий назад, в правление Вольмара Адельвита, девятого Венценосца из рода Эрхегорда, и с тех пор отменялась лишь семь раз – в годы Венценосного траура.

Когда пришел Хубистан, каменщики испугались. Просьбы Тирхствина, наместника Багульдина, не удержали их в городе. Из главных мастеров остался лишь Орин – наследник рода Торгорда. Возле его дома сейчас и ходил Теор.

Он по-прежнему выглядел беспечным, при этом уже трижды обошел владения каменщика. Моя слежка становилась навязчивой – Теор мог заметить неотступно идущего за ним человека. Впрочем, его внимание было явно отдано чему-то другому. Он то и дело поправлял завязки на рукавах, останавливался, чтобы перешнуровать ворот или проверить подошвы кожаных баерок, но, конечно, думал вовсе не об одежде.

«Что он тут потерял?» Я решил спрятаться на веранде соседнего пустующего дома.

Все рассказы Громбакха об охоте, о желании скорее вернуться в Целиндел могли быть ложью. Я допускал, что в действительности они с Тенуином и Теором – простые грабители или мародеры, придумавшие наведаться в отчасти пустые кварталы Багульдина. Дом Орина охраняли наемники: безусловно, там было, чем поживиться.

«Если они воры, то знают, как выбраться из города. Иначе бы так не рисковали. Награбят свое и уйдут. А я – с ними. Найти их убежище, сказать, что знаю их планы, но не буду вмешиваться. И предложить хорошую плату за сопровождение, – думал я, глядя на то, как Теор в четвертый раз пошел вдоль ограды. – Ну да. Они согласятся. А при первой возможности пустят мне стрелу в горло, заберут мою гартоллу со всеми сундуками… Хороший план».

Дом Орина был самым большим и богатым в квартале Каменщиков. Приблизиться к нему не давала витая металлическая изгородь, но и с улицы хорошо просматривалось его великолепие. Все балконы были сделаны в виде молотов, их рукоятки колоннами опускались к узорчатому цоколю. По карнизу вереницей тянулись огромные, вырезанные из камня инструменты: кирки, зубатки, колотушки. Над окнами висели маскароны горных зверей. Мансарда была исполнена в виде красной наковальни, над которой, взметнув молот, выси-

[12] *Гу́мник* – третий, предпоследний летний месяц по вольмарскому календарю (24 дня). Название по старому календарю, когда этот месяц был последним летним месяцем, – «Месяц ветров» или «Ветряк» (37 дней).

лась статуя каменщика – первого из рода Торгорда, в свое время приложившего руку к возведению Свирной башни.

Вокруг дома тянулись крытые аллеи. Они были уставлены всевозможными изделиями: фигурами, капителями, фонтанами. Отдельно, в деревянных оградках, стояли вырезанные из карнальского камня виноградные кусты, орешники, разлапистые эльны. Орин и в самом деле не прекращал работу. Несмотря на туман и отъезд других каменщиков, продолжал готовиться к ярмарке.

«Если она состоится, то пройдет под его именем. У каменщика, должно быть, настоящая армия помощников. Одному столько не сделать…» – подумал я и заметил, что Теор, в последний раз взглянув на изгородь, пошел дальше, в сторону квартала Теней. Я последовал за ним.

Мы приближались к стене тумана, и прохожих тут почти не осталось. Редкие торговцы уныло сидели перед полупустыми прилавками. Все чаще попадались заколоченные, оставленные хозяевами дома.

Теор утратил прежнюю вальяжность. Шел быстро. Начал изредка оглядываться. Судя по всему, он приближался к цели своей прогулки.

Когда Теор скрылся за первым поворотом в квартал Теней, мне пришлось задержаться на окраине квартала Каменщиков, чтобы не выдать свое присутствие.

Квартал Теней располагался в южной части города. Здесь жили богатые горожане, большинство из которых покинуло Багульдин еще два месяца назад, когда туман только приближался к Саэльским лугам.

Вдоль узких улочек, вымощенных черным диабазом, стояли плотные ряды трехэтажных домов. На тротуарах росли лианы ниалутии, они поднимались по креплениям на стенах, а между вторым и третьим этажом ложились на деревянные рейки и плотным навесом простирались над всей улицей. Это густое сплетение веток и листвы цвело тяжелыми оранжевыми бутонами и едва пропускало солнечный свет.

В квартале Теней даже в ясные дни таился полумрак. По стенам и на брусчатке лежала солнечная мозаика; последовав за Теором, я сразу угодил в ее паутину, и теперь она мягко мерцала, будто струилась по моей одежде.

Двери и окна здесь были заколочены, затянуты стальными цепями. Ни прохожих, ни карет. В тишине хорошо слышался шелест листьев.

Взглянув на цветущие лианы, я подумал, до чего красивым должен быть вид с третьего этажа! Открыть окно и увидеть перед собой зеленую реку навеса. Особенно ночью, когда внизу, на улице, зажигают фонари и река наполняется золотым свечением, оранжевые бутоны, словно рыбки, колышутся в ее спокойных водах.

Впереди, за поворотом, послышались голоса. Я дал Теору уйти слишком далеко, выпустил его из виду и теперь должен был поторопиться.

Говорили громко. Кто-то даже кричал. Кажется, женщина.

Не теряя осторожности, я прижимался к стенам домов, проскальзывал по верандам.

Улочка изогнулась последним поворотом и вывела на площадь Трех фонтанов. Полог из цветущих лиан тянулся по ее кромке, держась на высоких каменных столбах, а сама площадь была полностью открыта солнцу – из сумерек я вышел в яркий летний день.

Оглядевшись, пробежал вперед и спрятался на аллее – она узкой гравийной дорожкой шла вокруг площади и была укрыта плотными рядами цветущих пузырников.

В двадцати шагах от меня, возле каменной чаши фонтана, стояли четверо. Двое стражников в легких кожаных доспехах держали мальчика лет десяти. Рядом суетилась женщина в темно-коричневом сарафане. Фонтаны бездействовали, и я хорошо слышал голоса людей. Они ругались. Но происходившее на площади меня не интересовало. Теор исчез. Ни мерт-

вого, ни живого, ни с черными, ни с золотыми волосами – его на площади я не видел, и сейчас это было моей единственной заботой.

Возможно, Теор заметил слежку и затаился где-нибудь в отдалении – наблюдал за мной. Или давно ушел в один из переулков, скрылся в убежище, к которому изначально шел. Тут бы понадобился следопыт, чтобы его отыскать.

Оба варианта мне не нравились.

Нужно было действовать, но я не знал, что предпринять. Пойти напрямик через площадь – опасно. Стражники наверняка остановят меня и допросят. Ничего преступного я не совершал и, несмотря на столкновение с Зельгардом, не боялся ареста, но такая задержка окончательно лишила бы меня всех шансов найти Теора.

Обогнуть площадь по аллее – затея сомнительная. По гравийной дорожке быстро не пройти: шум моих шагов привлек бы внимание. Оставалось идти вдоль домов, но там мне могли помешать кусты пузырников.

«Куда же делся Теор? Как он тут прошел?»

– Пусти! – вновь заверещал мальчишка, и я невольно прислушался к ссоре возле фонтана.

– Молчи, пакость! Только дерни мне! – взревел один из стражников.

– Прошу, прошу, поймите, он по глупости, по глупости! – тараторила женщина.

– Вот теперь поумнеет, – осклабился второй стражник.

Правые наплечники у них были закрыты, значит, они здесь оказались на боевом дозоре. Хотели отправить мальчика в тюремный глот. Должно быть, он забрался в пустующий дом и поживился там чем-нибудь съестным или вовсе схватил какое-нибудь украшение.

Я опять осматривал площадь, чуть выглядывая из-за колонны, и тут услышал от женщины:

– Сама не знаю, где он нашел бритву. Его бы никто не пустил! Не знаю… Он же по глупости, не понимает еще!

– Все я понимаю! – огрызнулся мальчик.

– Ну вот видишь. Все, давай! – Стражник медленно зашагал в мою сторону, волоча мальчика за шиворот.

Его мать опять запричитала, со слов сбиваясь на слезы.

– Волосы, – прошептал я.

«Опять волосы».

Голова мальчика была гладко выбрита.

«Золотые волосы убитой Оэдны, жены коменданта».

На улицах города мне попадались объявления, в которых Зельгард запрещал горожанам стричься наголо.

«Поначалу черные, затем золотые волосы Теора. Убитого, а теперь ожившего».

Безумное распоряжение было подтверждено гербом Багульдина, а значит, заверено наместником.

«Сегодня, на входе в „Буерак“, кравчий потребовал от меня снять капюшон. Я подумал, что он хочет увидеть пограничную сигву. Но его интересовали именно волосы».

Любого, кто нарушит запрет, ожидало заточение в тюремном глоте до тех пор, пока не станет очевиден цвет его волос. «Безумие…»

«Что так напугало Сольвина в „Нагорном плесе“? То, что я бежал? Или то, что я был в капюшоне и он не видел моей головы?»

«Вас все равно поймают! Можете не бежать».

«Там, в тумане, ты меня не видел?»

«Я не думаю, что они виноваты в тумане. Скорее, наоборот».

Я зажмурился. Понимал, что все это как-то связано, что у всего этого безумия есть какая-то внутренняя логика – логика, которую я никак не мог уловить.

«Это мерзость. Это болезнь. Это обман».

И Зельгард, и Тенуин походя убили людей с золотыми волосами – так, будто они не были людьми. Тела… Их тела исчезли после смерти. Остались только одежды. Влажные одежды.

– Гаденыш! – закричал стражник.

Мальчик ухитрился укусить его за руку: между перчаткой и наручем оставался зазор, прикрытый лишь обшлагом нательной рубахи.

Мальчик вырвался, но второй стражник сбил его с ног. Женщина бросилась к сыну и упала на колени.

«А ведь я видел их сегодня на Ярмарочной площади», – не вовремя, отстраненно подумал я.

Первый стражник, заметив кровь на укушенной руке, процедил:

– Ну как скажешь…

Потянулся к мечу, но не успел его выхватить. Из-за фонтана выскочил Теор. Будто паук с длинными, тонкими руками и ногами. Оттолкнувшись от каменной чаши, выпрыгнул за спину стражникам.

«Сигва с акробатом», – еще одна неуместная, напрасная мысль.

Женщина застыла и даже перестала плакать. Мальчик тоже молчал и только неуверенно отползал в сторону.

Черный костюм. Черные волосы. Хлыстник был раскручен и готов к бою. На упругих отростках блестели лезвия. Широкий взмах. Свист рассеченного воздуха. Стражник хотел что-то сказать, потом весь сжался, отстранился, но увернуться не смог. Боевой кнут полоснул его по лицу. Крупными каплями брызнула кровь. Стражник взвыл и, неестественно изогнувшись, упал навзничь.

Женщина ладонями зажала себе рот. Глотала прорывающийся крик, задыхалась в нем. Мальчик, приподнявшись на локтях, замер.

Второй стражник выхватил меч и попытался ударить Теора. Тому даже не пришлось уклоняться. Два быстрых шага. Боевая стойка. Кнут на изготовку.

– Эй! – сгорбившийся стражник, стоя на полусогнутых ногах, говорил с придыханием от страха. – Эй! Ты… Подожди. Ты хоть понимаешь… Ты… – Он посмотрел на лежавшего рядом друга; тот, обхватив окровавленное лицо руками, стонал и дергано ворочался из стороны в сторону.

Теор поймал это мгновение. Кнут взвился в воздух. Отростки разошлись по сторонам, будто гадрильская кобра, готовясь к нападению, раскрыла свой капюшон. Стражник дернулся влево; уверенный, что ему удалось избежать удара, он приготовился пронзить Теора, не видя ловушки. Развернувшись, Теор махнул кнутом наотмашь – и тот, собрав свои отростки, обрушился единым кулаком лезвий.

Мучения первого стражника прекратил удар ножа. На площади стало тихо.

Теор расстегнул доспехи одного из убитых. Оторвал лоскут от его рубахи и бережно протер лезвия кнута. Свернул его. Закрепил на поясе. Склонился к мальчику. Помедлив, про-

тянул руку, хотел погладить того по голове. Мальчик, засучив ногами, отполз, а когда Теор повторил попытку, грубо отмахнулся.

– Лин! – с негодованием произнесла женщина.

Она стояла на коленях и выглядела потерянной, словно так и не поняла, что произошло на ее глазах.

– Вам есть где спрятаться? – спросил у нее Теор.

С дрожью в голосе, путаясь в словах, женщина сказала, что работает служанкой в доме Орина.

– Там и живу…

– Уходите. Постарайтесь пару дней обойтись без прогулок.

– А как же… они? – Женщина кивнула на стражников.

– Уходите, пока не поздно. А ты, – Теор посмотрел на мальчика, – ты будь умнее. И держи хвост трубой, все будет хорошо!

В последних словах прозвучали веселые интонации, которые запомнились мне за ужином в «Нагорном плесе». Теор еще о чем-то переговорил с женщиной, затем изобразил, что на прощание снимает невидимую шляпу, и заторопился к одной из дальних улочек.

Только сейчас я заметил, что и сам крепко сжимаю рукоятку меча. Как я и подозревал, Теор был хорошим бойцом.

Он уходил в туман. Сейчас я не сомневался в этом. Нельзя было отпускать его слишком далеко, но пришлось подождать, пока мальчик с матерью уйдут с площади, прежде чем броситься вдогонку.

Проскользнув мимо фонтана, я мельком взглянул на обезображенные лица стражников. Хлястник – страшное оружие, если умеешь с ним обращаться.

Пробежав два переулка, я успел заметить, где именно Теор вошел в туман, и последовал за ним, – теперь можно было не бояться звука собственных шагов, во мглу он все равно не проникал.

Задержался перед самой кромкой. Вдохнул поглубже, словно готовился нырнуть в воду. Положил руку на меч и шагнул вперед.

Все разом стихло. Я нарочно стукнул подошвой о брусчатку, убедился, что звук поднимается глухой, едва приметный, и дальше бежал без опасений до тех пор, пока не различил впереди спину Теора.

Изредка попадались жилые дома. В щели окон и дверей просачивался свет. Но большинство зданий в этом квартале пустовало. Двери были распахнуты, будто хозяева нарочно решили впустить к себе мглу, подчиниться ей без остатка. Проходя возле веранд, я видел мебель в прихожих, и мне казалось, что она вся припорошена не то пылью, не то пеплом, не то каким-то илом, словно в комнатах Наэльского острога. Ветхость, увядание и теплая, будто воды Арнака, смерть.

Когда спина Теора сливалась с туманом, я пробегал вперед, затем шел спокойнее.

Мгла становилась гуще. Звуки окончательно притупились. Мы приближались к городским стенам.

Дышал и не слышал своего дыхания. Прикасался к запястью и не различал сердцебиения. Тело стало легким. Я будто погружался в сон.

Чем дальше мы шли вперед, тем реже я заглядывал в окна и двери покинутых домов. Мне начинало казаться, что там стоят сумеречные люди – те, кого Хубистан поглотил за долгие века существования и теперь пригнал в Багульдин. Они молча наблюдали за мной.

«Насытившись, пожрав весь город, Хубистан уходит назад, в недра гор, – скривив зеленые губы, шептала мне старуха-травница. – И ты уходишь с ним. Бескрайнюю вечность слушаешь свои страхи, кормишься отчаянием, пьешь боль».

С главной дороги Теор свернул направо. Обогнул баррикаду из телег и вышел на небольшую круглую площадь. Чуть позже скрылся за дверью скромного двухэтажного дома, который, судя по вывеске, раньше был торговым.

«Хозяйник Анаэллы».

Что делать дальше, я не знал. Решил для начала подождать – Теор мог выйти из дома, чтобы отправиться куда-то еще.

Спрятался на веранде. Затаился.

Поблизости были только мертвые, изъеденные темнотой дома.

Я почувствовал, что окружен сумеречным народом. Каждый из них принес сюда тяжесть своей истории, своих тревог и воспоминаний о собственной гибели. Лишенные тела и очага, они спокойно наблюдали за мной – живым, пока еще не подвластным их хозяину.

Я понимал, что это лишь суеверие, что нет ни малейшего основания верить рассказам полоумной травницы, но страх растревожил меня до озноба. Я не хотел уходить, но и стоять на месте не мог. Боялся смотреть в окна. Был уверен, что увижу сумеречные глаза. Чувствовал, будто кто-то гладит мне спину легкими, как ветер, прикосновениями. Обхватывает мои руки. Туман завлекал меня в свою глубь. Просил отыскать в нем безвозвратно утраченное.

Я представил, как выхожу из городских ворот. Как бреду по затерянным во мгле полям. Как, обессиленный тревогой, падаю на землю. Как закрываю глаза и все равно вижу полумрак тумана. Чувствую, как надо мной склоняются люди, как меня уносит дальше – в вечность Хубистана.

Нужно было уходить. Что бы там ни происходило в «Хозяйнике Анаэллы», это можно обдумать и выведать позже. Сейчас хотелось одного: вернуться в жилые кварталы Багульдина.

Сбежав с веранды, я едва успел остановиться и припал к брусчатке. Еще несколько шагов – и меня могли бы обнаружить. Из-за поворота на площадь вышли два человека.

Я понимал, что в тумане меня никто не услышит, и все же затаил дыхание.

Это были Швик и Шверк – портные, с которыми я познакомился в «Нагорном плесе» в ту самую ночь, когда Тенуин убил Теора.

Они быстрым шагом шли к «Хозяйнику Анаэллы». Нас разделяло не меньше двадцати шагов, но даже с такого расстояния я хорошо видел, что их короткие и прежде темно-русые волосы изменили цвет. Они стали ярко-золотыми. Совсем как волосы убитого Теора. И волосы убитой Оэдны. Впрочем, значительно больше меня удивило другое…

Приподнявшись, я весь подался вперед, будто так мог лучше разглядеть близнецов. Наконец сделал в их сторону несколько шагов на четвереньках.

Сосредоточил во взгляде все силы своего ослабевшего здесь ума.

Я не ошибся.

Вокруг Швика и Шверка туман расступался. Они шли в коконе прозрачного воздуха, оставляя за собой чистую борозду, которая лишь несколько секунд спустя начинала вновь густеть, затягиваться привычной мглой.

Близнецы даже переговаривались на ходу. Значит, хорошо друг друга слышали. Звуки не покидали окружавшего их кокона – не удавалось различить ни единого слова.

Я и сам почувствовал себя онемевшим воином Хубистана, способным лишь издали наблюдать за живыми людьми.

Портные зашли в «Хозяйник Анаэллы».

Когда борозда свежего воздуха затянулась окончательно, я поднялся на ноги и бросился назад – скорее выйти из мглы в квартал Теней. Еще будет время обдумать увиденное.

Глава 4
Сольвин

Хубистан – не человек, не чудовище и даже не дикий зверь. Это город забвения. В нем живут люди, которые презрели главное – свою свободу. Променяли ее на сытный ужин, теплую постель и ласковые слова. Земли Эрхегорда этого не прощают.

Скажу вам, а вы запомните. Новая жизнь Хубистану не подвластна. Его дух не войдет в дома, где все живут открыто, готовые к переменам, где никто не держится за прошлое. Такие люди мгле не нужны. Они могут всю жизнь провести на одном месте, не отходя от него ни на шаг, но готовы при первой необходимости сделать этот шаг без сомнений и сожалений. В этом их сила.

Смирившись со своим счастьем, мы погибнем, как когда-то погибли Предшественники. Жизнь застывшая – камень и жизнью более называться не может.

Листовка на стене заброшенного здания в Багульдине. Подписано «М.»

– Не только это, – кивнул Сольвин, – но да, и золотые волосы тоже.

– Это многое объясняет…

Теперь я понимал, что именно происходит в городе, однако ни на шаг не приблизился к тому, чтобы покинуть Багульдин. Это удручало.

– Различий много. Вы и сами видели, – продолжал Сольвин. – Комендант, конечно, прав. Это мерзость. Какой-то глупый обман. Твердость духа – наша последняя надежда. Вы заметили, какие у него глаза? В них был туман!

– В них было небо, – промолвил я.

Хозяин подворья удивленно посмотрел на меня. Хотел что-то сказать, но тут в дверь постучали. Слуги принесли ужин.

Странно было думать о еде после всего случившегося. Впрочем, я догадывался, что с Сольвином это происходит часто. Он уже привык.

«Но разве можно привыкнуть к такому?!»

Хозяин подворья, чуть поклонившись, широким жестом пригласил меня к столу:

– Не так сытно, как в лучшие дни, но вы сами понимаете – запасы не бездонны, а туман перекрыл подвозы.

Я с благодарностью кивнул в ответ.

На резном каменном столе нас ждало жаркое из крольчатины и саэльского картофеля, салат из горных цветов, запеченные в тесте одуванчики, вареная птица с яблоками.

– А это подарок от моих друзей. – Сольвин указал на шарики влажного ломкого сыра с синими вкраплениями. – Очень советую. Горлинский сыр. Из-за тумана его теперь трудно раздобыть. Я бы сказал, невозможно.

– Но вы смогли.

– Я же говорю, подарок от друзей.

На отдельном блюде лежали странные хлебцы: в твердой корочке снаружи, но рассыпчатые, как песок, внутри. Их нужно было целиком класть в рот и придавливать языком к нёбу – песочек рассыпался, мгновенно размокал и приятно вязал рот. По незнанию я один хлебец раскусил и весь обсыпался. Сольвин коротко рассмеялся, но, смутившись своей неучтивости, предложил мне сразу несколько салфеток.

– В добрую Гунду! – сказал он, подняв чашу с ягодной настойкой.

– В добрую, – отозвался я, уже привычный к застольным приветствиям.

Сейчас, в кресле на сартонных подушках, с беспечной улыбкой, хозяин подворья ничем не напоминал Сольвина, которого я увидел здесь еще два часа назад.

Я пришел к нему в полночь, уверенный, что он готовится ко сну, однако Сольвин был в полном облачении. Более того, взволнованный, покрытый испариной, ходил по комнате от стены к стене, то и дело протирал влажные ладони тряпкой и тревожил кинжал на поясе: вытаскивал его из ножен до середины, а потом резко вбивал обратно.

– Вы кого-то ждете? – поинтересовался я.

– Да… Можно и так сказать, – рассеянно ответил Сольвин. – Но нет, нет, стойте! – оживился он, заметив, что я складываю руки в прощальном жесте. – Вы хотели о чем-то спросить? Проходите, проходите… Это будет весьма кстати.

– Не помешаю?

– Нет-нет, проходите.

«Вас все равно поймают! Можете не бежать».

Мне запомнилась эта фраза. Я решил поговорить с хозяином подворья, надеялся хоть что-то узнать о творившемся в Багульдине безумии, но сейчас усомнился в своей задумке. Сольвин был явно встревожен – не лучшее время для разговоров.

Угадав мои мысли, он торопливо проговорил:

– Поверьте, сейчас любая беседа будет мне в радость. Сами понимаете, должен прийти фаит. Да… Я уже, знаете, устал… В такие минуты радуешься всему, что может отвлечь. – Хозяин подворья неловко улыбнулся, будто не мог понять, насколько грубо прозвучали его слова. Он до дрожи боялся хоть чем-то оскорбить постояльцев. – Присаживайтесь. – Сольвин указал на козетку со свежими сартонными подушками.

Пройдя через комнату мимо пустующего каменного стола, я успел оглядеться. На стенах, обтянутых голубым бархатом, висели выцветшие гобелены с изображениями конной охоты на маргул. Я с интересом взглянул на этих страшных шестилапых существ с овальной оскаленной пастью и всадника, который, судя по всему, был Боагрином – нынешним ойгуром Земель Эрхегорда, семнадцатым Венценосцем из рода Эрхегорда.

Окна были закрыты тяжелыми портьерами. С балочного потолка на цепях свисала пирамидальная свечная люстра. На тумбах и полках горели светильники.

Я разглядывал узоры на древках алебард, висевших между гобеленами, когда Сольвин с вялой улыбкой поинтересовался:

– Так что вас привело ко мне?

Тут же поспешно добавил:

– Я всегда рад постояльцам, просто хочу знать, чем могу быть полезен.

Я заранее продумал свои слова, поэтому говорил без сомнений. Кратко, без подробностей и имен, описал удивившие меня случаи: убийство, а затем исчезновение двух горожан с золотыми волосами, арест мальчика, обрившего себе голову. Упомянул и то, что некоторые люди в Багульдине резко изменяют цвет волос.

Сольвин застыл и как-то неловко улыбнулся, будто только сейчас заметил меня в своей комнате и не понимал, как я сюда попал. Даже приоткрыл рот в немом удивлении. Мне стало неловко. Подумалось, что мои слова отдают безумием. Уже хотел обратить сказанное в шутку, но хозяин подворья, запинаясь, проговорил:

– Так вы… Разве… Но ведь вы знаете, что… Я же видел, как вы вчера хотели сбежать из подворья. Вас наверняка поймали стражники. Они бы…

– Я никуда не бежал. Торопился на встречу, не более того. – Нужно было рискнуть. – Вас смутил мой капюшон, ведь так? Вы не знали, какого цвета мои волосы. Боялись, что они стали ярко-золотыми, так?

Сольвин, развеселившись, медленно опустился в кресло. Впрочем, веселость быстро покинула его, и на лице осталась лишь слабая улыбка, показавшаяся мне печальной.

– Не поймите неправильно… – проговорил он, затем посмотрел мне в глаза. – Так вы еще не знаете?

– Нет. – Я качнул головой. – О чем бы вы сейчас ни говорили – нет.

– Вот как…

Сольвин глубоко вздохнул, колыхнувшись всем своим тучным телом. Его живот, от груди до пояса перетянутый тремя тканными кушаками, отдаленно напоминал свиную колбасу в лавке мясника. Хозяин подворья был одет в синюю рубаху, серый холщовый фартук и широкие, перехваченные на голени, штаны. Под большим обвисшим носом росли длинные, закругленные на кончиках и перевитые серебристой проволокой усы. Они были выкрашены в синий – под цвет каменотеса на гербе Багульдина.

Обдумав что-то и вновь посмотрев на меня, Сольвин сказал:

– Тут нет никакой тайны, я вам все объясню… Точнее, объяснит наш гость.

– Гость?

– Да, можно и так сказать. Я чувствую, он придет этой ночью. Такое нельзя не почувствовать… И вы поймете. Сами увидите. Уже скоро. Заодно поможете. Я так устал… – Вздрогнув, Сольвин поспешно добавил: – Вы не подумайте, это только просьба. Обычно мне помогает наш кравчий, но сегодня этот негодяй куда-то запропастился, и вот я тут один жду… своего гостя.

Сольвин по привычке говорил с мягкой, отчасти наигранной учтивостью, но его взгляд при этом ушел в пустоту. С каждым словом хозяин подворья все глубже погружался в свои мысли:

– Мама часто говорила мне, есть ошибки, которые нельзя искупить. Они остаются на теле, как ожоги, и потом всегда зудят. Говорила: «Смотри, чтобы все твое тело не покрылось такими ожогами, а то до старости так и доживешь, в кровь расчесывая себя и свою память». Я ведь думал, что все осталось в прошлом. А теперь этот фаит… Я ведь даже не знаю, что ему от меня нужно, чего он на самом деле хочет. Думаю, он хочет меня наказать. Мерзость… Зельгард, конечно, прав… Но вы не бойтесь. – Сольвин понуро улыбнулся. – В первые минуты они всегда слабые. Главное, не упустить… Главное, чтобы не дрогнула рука.

Эти слова были мне знакомы.

«Поначалу они всегда слабые», – говорил следопыт Тенуин.

«Что, рука не поднялась?» – смеялся комендант Зельгард.

– Из-за тумана теперь все случается просто. Слишком просто. Но вы, – Сольвин, оживившись, посмотрел на меня, – вы не поймите неправильно, я вам все расскажу. Это очень кстати. Так проще. Это отвлечет меня, пусть ненадолго.

Хозяин подворья вдруг замер. Его лицо свела судорога страха. Он будто прислушивался, и я невольно посмотрел на дверь: «Ждет гостя? Тогда почему так его боится?» На всякий случай положил руку на оголовье меча. Но Сольвин опять улыбнулся. Опершись на подлокотники, тяжело встал.

– Надо только решить, с чего начинать. Ведь вы у нас совсем недавно…

Хозяин подворья заложил руки за спину, и кушаки на его животе натянулись еще сильнее. Стал неспешно ходить по комнате. Смотрел на камшитные ковры, на просветы каменного пола и тихо говорил:

– Семь веков назад Земли Эрхегорда пустовали. По-настоящему населенным был только Юг. Там, среди песков и предгорий, прятались бедные поселения пустынных аваков,

нарнаитов, дворков и других народов. Из Земель Нурволкина с краткими набегами приходили степные гулы. Заглядывали кочевники. Они поднимались по Тиоле до западных отрогов Хамаруданского хребта, достигали Дорских пустырей и там через Саарминское ущелье попадали в нынешние Лощины Эридиуса.

Наши Земли всегда были богатым, но гиблым местом. Залежи драгоценных металлов, нефрита, аренции, целебные источники, редкие породы древесины, растений – все это охраняла здешняя природа. Леса, болота, пустоши и те, кто их населял, губили самых смелых путников. Кто-то строил крепкие остроги, сопротивлялся, но потом в отчаянии, обессилев, бежал отсюда или вовсе пропадал. Здесь никогда не знаешь, где тебя ждет очередная западня. Сложно сказать… – Сольвин пожал плечами, – быть может, нерлиты правы. Быть может, разумным существам и не следовало населять наши края… Так или иначе, за семьдесят лет до рождения Эрхегорда Великого сюда с западных гор спустились переселенцы – их вел Энион Прародитель, прадед Эрхегорда.

Местные племена никогда не бывали по ту сторону западных гор. Рассказывали своим детям небылицы о пределе всех земель, скрытом за Черной сопкой и Саильскими пещерами. Говорили, что там начинается вечная мерзлота – пустыни льда и снега, которые постепенно уходят в бескрайнюю ночь. Говорили, что при движении на запад там с каждым днем все тише солнце, короче дни, а за последними застругами начинается мрак и бесконечное поле мутного льда, настолько гладкого, что по нему невозможно идти: ты просто не сможешь оттолкнуться от поверхности. А если разбежаться, прыгнуть с последней полоски наста и покатиться, то ты уже никогда не остановишься. Солнце позади совсем погаснет, тебя поглотит темнота, а ты все будешь катиться вдаль, пока тебя не сгубит холод или голод. Глупые суеверия. Но они жили в наших краях еще много лет и смолкли только в третьем веке, когда открылась Ханаитская расщелина и с западных гор спустились первые торговые караваны. Там, за Черной сопкой, начинаются Земли Ворватоила. Оттуда привел своих переселенцев Энион Прародитель, но почему он оставил дом и почему не любил о нем вспоминать, до сих пор толком неизвестно.

Вздохнув, Сольвин, опять сел в кресло. Поправил сбившийся кушак. Достал из поясной сумки ломтик ганитовой смолки, разогрел его в ладонях и бережно положил под язык. Приятно запахло сосновым лесом.

– Переселенцы пришли в теплых шкурах. В таких сейчас ходят гирвиндионцы. Они были сильны, умны, среди них было много мастеров, закаленных холодом и опасностями западных земель. Им понравились теплые, плодородные Земли Эрхегорда, тогда еще названные Зиалантиром[13]. Жестокая природа их не спугнула. Защищаясь от нее, они укрылись на горном плато Эридиуса, основали там четырнадцать селений, объединенных общим названием Вер-Гориндор. На ворватоильском наречии это означало «Новая жизнь на скале».

Тогда переселенцы и не думали управлять всеми Землями. Торговали с местными племенами и с народами Юга, боролись с ненастьями, лесными и песчаными зверьми.

Вер-Гориндор расширялся, сменял одну крепостную стену другой. Кочевники, добиравшиеся до этих мест, все чаще устремлялись к нему, а в низине, под горой, появилось несколько новых селений; они быстро признали власть Эниона Прародителя, стали выплачивать ему дань, а в ответ просили оберегать их от коварной природы с ее маргулами, летучими хвойниками, эорлитами и прочей живностью, которой в те годы было значительно больше, чем сейчас.

Но переселенцам едва удавалось защитить самих себя. Дополнительная забота была им в тягость. Тогда Энион отправил первые отряды на север – надеялся отыскать не менее

[13] *Зиалантир́* – название Земель Эрхегорда, пришедшее из древнего северного ворватоильского наречия, на основе которого были объединены разрозненные языки Земель Ворватоила. Может быть переведено как «Каменная нора змеи».

щедрые, но более приветливые места. Там, где-то между Лисьим долом и Гарскими рудниками, которых тогда еще, конечно, не было, он отыскал следы древней дороги. Дороги Предшественников.

Сольвин, чуть улыбнувшись, достал кинжал из ножен. Стал медленно поворачивать гладкое лезвие, будто старался уловить в нем свое отражение. Увидеть свои глаза.

> «Отчего он так боится своего гостя? Почему не позовет стражников, если уверен, что его нужно встретить оружием? Почему так рассчитывает на свой клинок и на то, что гость поначалу будет слабым?»

Гарда кинжала была украшена темными, как вечернее небо, горошинами синего гелиотропа. Подарочное оружие, едва ли бывавшее в сражениях. Да и сам хозяин подворья не выглядел опытным бойцом.

> «Доводилось ли ему вообще убивать?»

– Так переселенцы узнали о Предшественниках, – говорил Сольвин, продолжая неспешно поворачивать лезвие то в одну, то в другую сторону. – Они жили здесь задолго до Эниона. В годы, когда его ворватоильские прадеды еще не построили свою первую крепость, когда еще не знали своего мастерства и только учились жить, здесь уже процветал могущественный народ.

Самым удивительным было то, что после них не осталось других следов: ни городских руин, ни остатков крепостных стен. Только дорога – расточительно широкая, будто и не дорога вовсе, а бесконечно длинная площадь из крепкого, за все эти века почти не потревоженного временем камня.

Энион решил узнать, куда ведут ее желтые, с вкраплением красных прожилок плиты, надеялся отыскать другие следы Предшественников, чтобы понять, почему они исчезли, куда подевались их города и строения.

Сделать это было непросто. Дорога часто прерывалась. Местами ее занесло земляными холмами, затянуло лесом. Она терялась среди каменных обвалов, шла по дну рек и озер.

Следопыты Эниона долго искали путь – плутали по Солончакам, в северных отрогах Хамаруданского хребта. Затем обнаружили Ардонское ущелье, через которое вышли напрямик к полям Северных Земель, к месту, где сейчас построен Онгуран.

Они гибли от диких животных, таинственных жителей чащоб, о существовании которых прежде никто не знал. Раскапывали увалы и холмы, больше похожие на старинные курганы. Теряли и находили дорогу.

Наконец переправились через быстрый Даэнгай, пробились через Вересковую долину и вышли к северным горам.

Там, в скале одного из отрогов, Энион увидел обрушенный фасад древнего города. Города Предшественников.

Подступы к нему были слишком крутые, вытесанные в камнях лестницы и серпантины давно растрескались и разрушились. К тому же ступени оказались гигантскими, будто рассчитанные на людей, чей рост втрое превышал рост обычного человека. Следопыты вынуждены были отступить. Энион тогда был на закате своей жизни. Он так и не узнал тайну Предшественников – умер на обратном пути в Вер-Гориндор.

Лишь отцу Эрхегорда Великого – Лиадору, сыну Эниона – удалось добраться до горных руин. Прошло еще десять лет, прежде чем он построил и укрепил новую дорогу в обход сыпучих стен, расщелин, выходов карной породы. Лиадор был так увлечен строительством дороги и освоением ближайших земель, что почти не бывал в престольном городе. В Вер-Гориндоре тогда, по сути, правила его жена, мать Эрхегорда – Эргеона. И делала это, быть может, не хуже своего мужа. В наследство сыну она оставила сильное государство: десяток защищенных городов, тренированную армию, способную отражать нападки южан, и

несколько отрядов зачистки, обученных противостоять местной природе. Все это со временем позволило Эрхегорду надеть первый венец нашей ойгурии[14].

Пока шло строительство горной дороги, Лиадор успел основать несколько селений в Вересковой долине, перекрыл островной проход через Даэнгай крепостью Устендол – теперь это один из главных городов Северных Земель. Утвердил в тех местах свою власть и даже сделал первые вылазки в Сухтуумскую долину и к Скальным бросам.

Когда был окончен последний виток дороги, когда от укрепленной над обрывом площадки можно было без опасений перейти на нижнюю террасу города Предшественников, Лиадор отчего-то сказал: «Здесь начинается наша слава и наша погибель».

Впрочем, я уверен, эти слова – легенда, придуманная нерлитами или кем-то еще. – Сольвин усмехнулся и резко вогнал кинжал в ножны.

– Быть может, позвать стражников? – спросил я.

Хозяин подворья, увлеченный своим рассказом, на время позабыл о недавнем волнении, но теперь вновь растревожился. Не выпускал из рук ножен, часто вздыхал, бережно пощипывал переплетенные проволокой усы, тер гладко выбритый подбородок.

– Зачем? – не понял он.

– Ваш гость. Если он так опасен, можно позвать стражников.

Сольвин сглотнул. Рассеянно посмотрел на меня и неожиданно рассмеялся. На глазах у него показались слезы. Несколько мгновений спустя я уже не понимал, смеется он или, пораженный безумием, плачет.

– Не сочтите мой смех грубостью, нет, – все еще подрагивая и судорожно улыбаясь, покачал головой Сольвин. – Просто я устал. Из-за тумана это происходит слишком часто.

– Быть может, расскажете, что происходит? Кого мы ждем? Кто этот ваш гость? Мне будет проще…

– Поверьте, вам его можно не опасаться.

Я только развел руками, приглашая Сольвина продолжить рассказ.

– Да, конечно… У вас есть оружие?

Я нетерпеливо хлопнул свой меч по оголовью.

– Точно-точно…

– Лиадор построил дорогу, – напомнил я.

Хозяин подворья кивнул. Встал с кресла. Прошелся по комнате. На ходу обтер влажные ладони тряпкой. Остановившись возле каменного стола, продолжил:

– Впервые за долгие века свет факела выхватил из мрака покинутые жилища. Выдолбленные в пещерах, дома Предшественников были огромными, под стать ширине их дорог – в парадные проемы могли без проблем въехать сразу три всадника. Следопыты не нашли ни единого черепка. Ни надписей, ни узоров, ни копоти от настенных светильников. Ничего. Пустые, гладко отесанные стены помещений, будто в них никогда не было ни мебели, ни жильцов.

В память об отце Лиадор распорядился перестроить город Предшественников под нужды переселенцев; его объявили частью общих владений и назвали Пекель-Зордом, что на ворватоильском наречии означало «Огненная пещера» или, точнее, «Пещера огненного зверя» – в ее глубине, среди прорубленных расщелин, скрывалась лавовая река.

Много лет спустя переселенцы разобрали от завалов верхнюю террасу города и обнаружили начинавшуюся там горную тропу, она уводила в сторону Вьюжной скалы, на которой сейчас возвышается Святилище ойгуров. Тропа была узкой, вела по краю скал, к тому

---

[14] *Ойгу́рия* – государство, в котором верховная власть традиционно принадлежит единоличному наследному правителю (ойгуру) и лишь частично ограничена законосовещательным Верховным советом (Избранная речь). «Ойгур» в переводе с древнемесатоланского означает «отец».

же местами осыпалась – все указывало на то, что ее проложили не Предшественники, а кто-то иной, менее искусный и не такой сильный.

Эрхегорд Великий был первым человеком, который отважился вступить на эту тропу. Получив власть от почивших родителей, он лишь полгода оставался в престольном Вер-Гориндоре. Затем передал управление своему брату, Бауренгорду, а сам с ближайшими друзьями и подвижниками отправился в горное путешествие по загадочной тропе.

Долгий, опасный путь.

Тропа была давно заброшена. Завалена глыбами льда. Обрывалась глубокими провалами. Путники должны были вжиматься в отвесную стену скал, а усилившийся ветер тянул их вниз – на острые гребни предгорий. Нападали дикие орлеуты. Ударяли клювом по щитам и доспехам. Хватали когтями и уносили в свои гнездовья, под величественный Мактуй – одну из двух самых высоких вершин в Кумаранских горах.

Отряд Эрхегорда вбивал в камень крючья, привязывал к ним веревки и так, на плетеном навесе, спал тревожными ночами. На рассвете они пробуждались и видели, что еще несколько путников пропало. Узлы на веревках были ослаблены, затворы разомкнуты, будто пропавшие сами отвязали себя и, не сказав ни слова, бросив вещи, налегке уходили дальше по тропе. Их следы вскоре терялись – не то заметенные вьюгой, не то оборванные прыжком в снежную бездну.

Из двадцати семи человек лишь семеро добрались до Хаитской пади, которая вывела их на широкую древнюю дорогу. Здесь лежали уже знакомые им желтые плиты с вкраплением красных прожилок. Дорога Предшественников. Должно быть, в прежние времена она вела к Пекель-Зорду в обход опасных круч, но горные обвалы разрушили ее; сохранилась лишь тропа, пробитая другими неизвестными мастерами – быть может, кочевниками, случайно оказавшимися здесь и отчего-то рискнувшими жизнью только для того, чтобы уйти вглубь ледяных скал.

Дорога из Хаитской пади отличалась от той, что когда-то привела Эниона и его следопытов в Северные Земли. Здесь каждая плита была украшена узорами – не то символами, не то письменами.

Вскоре Эрхегорд вывел своих людей к пещере, которую впоследствии назвал Таильской, по имени своего друга Таилина из рода Фолнета, в память о том, как Таилин набросился на орлеута, спас других путников, а сам погиб. Пещера была замурована небрежно, в спешке, неотесанными глыбами и щебнем. Кто и зачем ее закрыл? Возможно, это сделали люди, проложившие тропу. Возможно, они и прокладывали тропу только для того, чтобы замуровать пещеру…

Потребовалось пять дней, чтобы пробить вход через искусственную стену.

И там, в Таильской пещере, Эрхегорд нашел Кумаранские гробницы – усыпальницы Предшественников, где каждая могила была предназначена для человека или существа, вдвое превышавшего по размеру самого большого из прежде известных людей.

Мечту Эниона Прародителя о встрече с Предшественниками воплотил его внук. Вот только в гробницах ничего не было. Ни-че-го. Они были пусты. Как и древние дома в Пекель-Зорде. Не удалось найти даже крохотного волоска.

Правда, до сих пор ходят легенды, будто одна из усыпальниц еще хранила тело последнего из Предшественников…

Сказав это, Сольвин улыбнулся. Провел ножнами по каменному столу, взглянул на гобелен с изображением конной охоты и неспешно добавил:

– Фанатики-нерлиты до сих пор ищут его останки. Говорят, что их вывезли и спрятали где-то в низине. Говорят, что тело Предшественника неподвластно тлению, что он и не мертв вовсе, а спит. Что однажды он проснется, и Земли Эрхегорда обретут своего истинного властителя – черную смерть. «Здесь начинается наша слава и наша погибель».

Сольвин качнул головой, будто извиняясь за то, что упомянул нерлитов с их бунтарским суеверием.

– Не знаю, был ли там Предшественник, а если был, то как избежал тления за все эти века, но под стенами, в глубине Таильской пещеры, Эрхегорд нашел главное – ямы, заполненные всевозможной утварью. Наследие Предшественников. Пластины, чаши, цепи, странного вида шары, обручи, спирали, огромные, больше похожие на оружие, гвозди и другое. Много совсем одинаковых вещей, отличающихся лишь узорами. Да, на них были узоры – тонкие черные прожилки. Все выполнено из одного металла, отдаленно напоминающего медь или потемневшее золото, но значительно более крепкого. Этот металл назвали алианитом, в честь жены Эрхегорда – Алианеллы. А наследие Предшественников назвали лигурами, что на ворватоильском наречии означает «сила».

С этого дня началась слава первого ойгура из рода Эрхегорда и вместе с тем – процветание его Земель.

Лигуры не отличались красотой, в них не было драгоценных вкраплений, но они обладали необъяснимой и часто непредсказуемой силой: влияли на природу, влияли на саму жизнь, делали сухую землю плодородной, больного человека – здоровым, укрепляли сталь мечей и щитов. Невозможно представить, сколь могущественным был народ, выковавший такие предметы. Предшественники… И по-прежнему ни намека на то, почему они исчезли, что погубило их при таком могуществе.

Вернувшись из северного похода, Эрхегорд на два года задержался в крепости Устендол. Распорядился расширить горную тропу, выдолбить в скалах настоящую дорогу, а сам занялся лигурами – тем немногим, что ему и оставшимся в живых четырем спутникам удалось вынести из Таильской пещеры, а заодно обследовал необжитые глубины Пекель-Зорда.

Узнав силу и власть лигуров, Эрхегорд распорядился раздать их своим приверженцам и наместникам городов. Так он начал укреплять и расширять свои владения.

И только Бауренгорд, родной брат Эрхегорда, воспротивился лигурам: «Однажды придет расплата. Быть может, не сейчас, а многие годы спустя, но твою славу сменит твоя погибель. Мы не знаем, как умерли Предшественники. Не знаем, сами они сотворили лигуры или, подобно нам, беспечно нашли их в горах. Но знаем, что ни лигуры, ни физическая мощь не спасла Предшественников от гибели. И мы повторим их судьбу. Только наша участь будет страшнее».

Эрхегорду такие слова не понравились. Он спешно вернулся в Лощины Эридиуса. С боем вошел в престольный Вер-Гориндор. Окончательно утвердил свою власть – объявил себя Венценосным ойгуром всех Земель.

Бауренгорд отправился в изгнание, где и собрал вокруг себя первых фанатиков – основателей ангора[15] нерлитов. Несмотря на их проповеди, лигуры быстро разошлись по городам и последующие века помогали укрощать природу Земель, строить новые крепости, покорять южные селения. Ведь и у нас, в Багульдине, хранится свой лигур.

– Что он делает?

– Укрепляет камень. Делает его крепче дианита. Такой закладывали в крепостные стены на границах. У нас заложили в основание Свирной башни; благодаря ему и, конечно, кумаранскому камню башня выдерживает напор свира, все эти века не знает ни трещин, ни обвалов. «Однажды придет расплата». «Здесь начинается наша слава и наша погибель». Быть может, расплата уже пришла? – Сольвин нервничал и потел все больше. Мокрой тряпкой тер ладони и лоб. Ослабил один из кушаков, то и дело одергивал полы рубахи. – Быть может, Эрхегорд тогда разбудил черную смерть Предшественников – силу, погубившую их и дремавшую бесчисленные века?

---

[15] *Ангóр* – сообщество, объединенное религиозными представлениями и ведущее активную религиозную деятельность.

– Хубистан? – спросил я.

– Хубистан?.. Не знаю. Разве так уж важно, как это назвать и какую форму оно обретает?

– Почему он не нападал раньше?

– Раньше?.. – Сольвин растерянно пожал плечами. – Раньше тоже случалось всякое… Но люди всегда верили в защиту лигуров. Быть может, Хубистан только сейчас обрел полную силу. Или ждал чего-то…

– Вы думаете, туманом затянуло не только Багульдин?

– Что? – не понял Сольвин.

– Мгла могла покрыть все Земли, – предположил я, по-прежнему считая Хубистан суеверной выдумкой.

– Не думал об этом… – с безумной улыбкой протянул хозяин подворья. – Но… кажется, мы подходим к самому интересному. Я чувствую. Скоро вы все поймете. «Однажды придет расплата»… Ведь в Таильской пещере нашли проход к нижнему горизонту. Лестницу. Она была прикрыта плитой, и ее долгое время не замечали. А тут… И… – Сольвин начал путаться в словах. Его руки дрожали. – За несколько лет до гибели Эрхегорд спустился по ней с отрядом муинов – своих телохранителей. Они… Его не было пять дней. А потом… Он вернулся один. Один. Весь окровавленный, с глубокими гнойными ранами. В одной руке держал меч, в другой – отрубленную голову огромного, прежде неизвестного зверя. Полностью слепого, с роговыми пластинами на коже. Внутренности зверя свисали из шеи и подрагивали, будто были живые. Мерзость… Обман. Будьте готовы!

Сольвин обнажил кинжал. Клинок дрожал в его руке. Хозяину подворья пришлось опереться на стол.

– Как же трудно… Каждый раз… Будьте готовы, он уже близко. Он придет меня убить. Мерзость. Позовите кравчего! Вы не подумайте, я не хочу… Он мог вернуться… Ах нет, ему бы сразу сказали…

Не понимая, что происходит и откуда ждать угрозы, я встал с козетки. Положил руку на рукоять меча. Неотрывно смотрел на дверь. Думал, что она может в любой момент распахнуться. Дверь была закрыта на засов изнутри, но сильный человек при желании мог его выломать.

– Ваш гость будет один? – спросил я.

– Никто не знал, что там случилось, в нижнем горизонте. Никто туда больше не спускался. – Сольвин не слышал меня. – И откуда там взялись дикие звери? Эрхегорда еще неделю била дрожь. Он бредил, кричал. Никогда прежде его не видели таким, даже после самых кровавых сражений с южными племенами. А потом… – Хозяин подворья прикрыл глаза. Его дрожь стихла, но кинжал едва держался в ослабевших руках. – Потом Эрхегорд приказал замуровать вход в Таильскую пещеру. Выставить караул и никогда никого к ней не подпускать. «Однажды придет расплата, и наша слава станет нашей погибелью».

Кинжал выскользнул на камшитный ковер. Мягкий удар.

– Я ведь теперь и хмель почти не пью…

– Что?

Сольвин говорил так тихо, что я с трудом разбирал его слова.

– Под хмелем это быстрее… С тех пор Таильская пещера закрыта. Слава и сила роду Эрхегорда. Вот и все.

Казалось, что хозяин подворья вот-вот упадет. Он навалился боком на стол, и кушаки глубоко впились в живот.

– Он уже здесь. Не дайте ему…

Устав от причитаний Сольвина, от его страха и безумия, я выхватил меч. Быстрым шагом пересек комнату. Рванул засов. На мгновение представил, что сейчас увижу Гром-

бакха, Тенуина и Теора. Подумал, что они решили ограбить подворье, а Сольвин каким-то образом узнал об этом и теперь готовился к смерти. Мотнув головой, отбросил такую мысль. Зная о запланированном ограблении, Сольвин бы точно позвал стражников. Но тогда кого он боялся?

Послышался надрывный, слезный шепот:

– Не уходите… Не оставляйте меня, прошу…

Я толкнул дверь. Слишком сильно. Распахнувшись, она громко ударилась о стену.

– Нет, пожалуйста…

Замер на мгновение. Прислушался. Тишина. Два быстрых шага вперед. Взгляд вправо. Защитное движение мечом, чтобы отразить нападение слева. Развернулся. Никого. Коридор был пуст. По стенам, тихо потрескивая, горели светильники. Синяя тканая дорожка. Резные деревянные панели. Ни грабителей, ни служанок. Никаких гостей.

– Безумие… – пробормотал я, раздраженно вгоняя меч в ножны.

Обернулся, чтобы успокоить Сольвина, сказать ему, что поблизости нет угрозы, и замер на пороге.

– Что же вы медлите?..

Мое дыхание стало громким, прерывистым. Я не сразу понял, что дышу приоткрытым ртом. Настойчиво моргал тяжелыми веками, будто так мог изменить увиденное.

Сольвин, обессилевший, покрытый испариной, лежал на полу. Из-за стола я видел только его голову и плечи. Он с вязким отчаянием смотрел на меня. А рядом с ним, чуть сгорбившись, положив обе руки на каменную столешницу, стоял другой человек. Гость, которого так ждал и боялся хозяин подворья. Это тоже был Сольвин. Его полная копия. Тот же перетянутый кушаками живот, будто свиная колбаса в лавке мясника. Та же синяя рубаха, тот же холщовый фартук. Те же синие, закругленные и перевитые серебристой проволокой усы. И только волосы были другими. Ярко-золотыми, а не темно-каштановыми.

– Скорее, прошу… – сквозь слезы пролепетал лежавший на полу Сольвин.

Я не знал, что делать. Растерянно смотрел на двух одинаковых людей, отличающихся лишь цветом волос. На всякий случай сдавил рукоять меча.

– Убейте его…

Сольвин с золотыми волосами часто дышал, сглатывал. Он будто преодолел долгий подъем в гору, однако нападать на своего двойника, кажется, не думал, смотрел на меня злобно, отчаянно.

– Убейте… Что же вы…

Я не собирался никого убивать. Вошел в комнату. Присмотрелся к новому Сольвину и спокойно спросил:

– Кто вы?

Это мог быть брат. Близнец. Как Швик и Шверк. «Нет… Глупая мысль».

Сольвин с золотыми волосами по-прежнему молчал.

– Как вы сюда попали?

Окна были затворены. Потайных входов в комнату я не видел. Дверь! Я испугался неожиданной мысли. Дверь за моей спиной была открыта. Резко обернулся, ожидая нападения сзади. Никого.

– Нет!

Быстрые шорохи.

Это Сольвин с золотыми волосами бросился на пол – к кинжалу. Схватил его и, одолевая слабость, на коленях заторопился к своему двойнику. При этом не то рычал, не то стонал.

Не было времени закрывать дверь.

Я дернулся вперед.

Оббежал стол. Под ногами скользнул ковер, собрался в глубокие складки. Я удержал равновесие.

Кинжал уже падал на грудь Сольвину, когда я коротким взмахом меча отбил руку нападавшего. Перекатившись на спину, он взвыл со слезами и проклятьями. Держался за рассеченное запястье. Сквозь пальцы сочилась кровь.

Я не хотел его убивать. Но не стал мешать Сольвину с каштановыми волосами, когда тот подобрал выроненный кинжал и, давясь одышкой, подполз к новоявленному двойнику.

Борьба была недолгой.

– Вот, теперь можно и поесть, – улыбнулся хозяин подворья несколько минут спустя. – Прошу вас, видите шнурок с синей кистью? Потяните за него. Нам принесут ужин.

Сольвин преобразился. Ни слабости в движениях, ни безумия во взгляде. Это был прежний хозяин подворья – такой, каким я его видел в последние дни.

– Не поймите неправильно, я вам очень благодарен. Но советую вам с ними не церемониться. Но я вас понимаю. Поначалу бывает трудно. Уж я-то знаю. В первый раз я только убегал. Хотел даже с ним поговорить. А потом он едва не задушил меня. – Сольвин рассмеялся, оправляя кушаки.

Я не переставлял удивляться такой резкой смене настроения.

– Он уже к вам приходил?

– Этот? – Хозяин подворья кивнул на сваленные в углу влажные одежды.

Тело его двойника исчезло. Я упустил этот момент. Только краем глаза заметил, как вдруг просела рубаха и откатились витки серебристой проволоки.

– Приходил. И не раз… Из-за тумана они теперь часто приходят.

– Они?

– Фаиты. Мерзость… – кивнул Сольвин. – Вот вам и наследие Предшественников. Видите ли, в чем тут дело. Нам всем приходится делать выбор. Если выбираешь между запеченным хвойником и тушеной орлушкой, это не беда. Хуже, когда выбираешь между жизнью в городе и странствиями по далеким землям. Между бедной, но любимой невестой и богатой, но нелюбимой. Трудные моменты. Нужно решить, в каком мире жить. Тот мир, от которого отказываешься, умирает, так и не родившись. Все дни живешь в одном мире, а позади оставляешь множество погибших – тропы, по которым так и не пошел. Испугался чего-то, попал под чье-то влияние. Сколько среди нас несбывшихся поэтов, странников, быть может, книжников или придворных служителей? Вы понимаете?

– Продолжайте, – кивнул я.

– Ведь вам это знакомо, не так ли… Всем знакомо. Если б не туман, в этом не было бы ничего особенного…

Пришли слуги. Хозяин подворья распорядился принести ужин и сжечь одежды убитого двойника. Затем продолжил:

– Выбрав иную жизнь, вы со временем становитесь другим человеком. Вы настоящий и вы несостоявшийся – два разных, быть может, мало похожих создания. Вот если б я, как и мечтал в детстве, стал наездником, у меня не было бы такой бочки. – Сольвин с улыбкой хлопнул себя по животу. – Я бы сейчас с собой-наездником не ужился. Подворье требует бережливости, а для коней нужен особый норов. Нам и поговорить было бы не о чем. То есть мне – с самим собой. Понимаете?

Я опять кивнул.

– Раньше мы об этом не задумывались. Некогда. Нужно жить дальше. Зачем вспоминать о несбывшемся? Теперь все стало сложнее. Вместе с туманом, да нет… задолго до тумана в Багульдин пришла болезнь. Но раньше она редко давала о себе знать. А теперь поразила многих горожан.

Видите ли, в тот самый момент, когда вам нужно сделать выбор, когда вы разрываетесь, не зная, на какую из троп вступить, и обе кажутся равными – так, что хочется идти по ним одновременно, – происходит нечто странное. Вы гложете себя сомнениями. Вам становится плохо. Потом приходит краткое мгновение глубокой тишины. И… вы раздваиваетесь. В буквальном смысле. Рядом с вами появляется ваш полный двойник – фаит. Вы соглашаетесь на одну из троп, а ваш фаит появляется нацеленным на другую – на ту, от которой вы отказались. Вы сделали свой выбор, но мир, который вы обрекли на смерть, умирать не хочет. Если отпустить двойника, он будет жить своей жизнью. Вы сможете наблюдать за ним, узнаете, кем бы стали, если б выбрали его тропу…

– Главное отличие – волосы, – растерянно прошептал я.

– Не только это, но да, и золотые волосы тоже.

– Это многое объясняет…

– Различий много. Вы и сами видели. Комендант, конечно, прав. Это мерзость. Какой-то глупый обман. Твердость духа – наша последняя надежда. Вы заметили, какие у него глаза? В них был туман!

– В них было небо.

Слуги принесли ужин.

Во время еды Сольвин продолжил рассказывать о фаитах:

– Раньше их появление могло затянуться на несколько дней. А теперь, когда туман перешел через городские стены, все стало происходить быстрее. Как приступ тошноты. Даже не успеваешь толком задуматься. К этому дню, наверное, каждый пятый в городе увидел своего фаита.

– У одного человека может быть много фаитов?

– Не знаю… Но когда убиваешь двойника, от самой болезни не излечиваешься. Он появляется вновь и вновь.

– Зачем их убивать?

– То есть как? – возмутился Сольвин. – Не поймите меня неправильно, но ведь это мерзость! Это противоречит природе. Это болезнь, и ничего больше. Порождение тумана, заглянувшего в наши мысли, в наше прошлое.

– Чего хотел ваш фаит?

– Мой? – Хозяин подворья смутился. Невесело хохотнул, стал торопливо пережевывать салат из горных цветов. – Не знаю… Не хочу даже думать об этом. Но вы, конечно, заметили, что особенной симпатии ко мне он не испытывал. Сумеречная мерзость…

И ведь первое время никто не знал, что с ними делать. Люди отпускали своих фаитов, разрешали им жить в Багульдине и даже отправляли в другие города. Их становилось больше. Началась путаница. Люди злились, завидовали своим фаитам – то есть, по сути, себе самим, только несостоявшимся.

Тогда начались волнения. Горожане боялись, что двойники с годами вытеснят их из Багульдина. Случилось первое убийство. Пекарь с улицы Красных лун, это восточная окраина города, убил своего фаита, который, в отличие от него, решился переехать в квартал Портных – дальше от друзей и родственников, но ближе к богатым покупателям из квартала Теней. В общем-то заурядная история. Фаит стал богатеть, уже хотел расширить лавку. И ведь оба были по-своему несчастны: один – вдали от родных, другой – в бедности. И пекарь убил своего двойника. Пришел требовать у него часть заработка, говорил, что тот своим успехом обязан ему. Ничего не добился и, взбешенный этим, ударил фаита ножом. Стражники схватили пекаря, отвели в тюремный глот. А потом отпустили – увидели, что тело убитого исчезло. Они же не люди. Туман. Попытка обмануть нас, запутать.

И в Багульдине началась резня. Люди охотились на своих двойников. Наместник и комендант их поддержали. Объявили фаитов мерзостью и приказали убивать. «Каждый дол-

жен сам подчищать за собой свою грязь», – говорил Зельгард. И был в этом прав. Конечно, если что, фаит далеко не уйдет, непременно попадется крепостному дозору или привратникам. Но лучше уж действовать самому. – Сольвин с ухмылкой показал кинжал. – Если вы подхватите эту болезнь… Не сочтите грубостью, но всякое бывает. Никто не защищен. И со временем вы научитесь чувствовать приход двойника. Будете заранее готовить меч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.